

Голубцов А. П. О путешествиях древних христиан и наших старинных паломников в Святую Землю, Рим и Царьград // Богословский вестник 1894. Т. 1. № 3. С. 446–462 (2-я пагин.). (Начало.)

О путешествіяхъ древнихъ христіанъ и нашихъ старинныхъ паломниковъ въ св. землю, Римъ и Царьградъ ¹⁾.

Благоговѣйное отношеніе къ святынь христіанской и къ мѣстамъ, освященнымъ и прославленнымъ жизнію, страданіями и смертію Богочеловѣка и подвигами святыхъ Его, вызвало въ христіанскомъ мірѣ глубоко-благочестивый и широко-распространенный обычай такъ называемаго *паломничества* или *пилигримства*. Не чуждое и другимъ религіямъ, напри-мѣръ: греко-римской, іудейской, магометанской, посѣщеніе христіанами святыхъ мѣстъ для поклоненія и молитвъ во всѣ времена составляло одно изъ самыхъ осязательныхъ проявленій чувства христіанской набожности, одну изъ пред-почтительнѣйшихъ формъ церковно-религіозной жизни хри-стіанъ. Какъ обѣтныи подвигъ, обычай паломничества всегда сопровождался молитвами и обрядовыми подробностями бого-служебно-аскетическаго характера. Прежде чѣмъ странникъ отпра-влялся въ путь, онъ просилъ молитвъ церкви и при-нималъ благословеніе отъ одного изъ самыхъ уважаемыхъ пред-стоятелей ея, который нерѣдко при этомъ указывалъ на-правленіе и предѣльный пунктъ предпринимаемаго путе-

¹⁾ Въ русской литературѣ по данному вопросу намъ извѣстны статьи свящ. В. И. Нечаева: *О путешествіяхъ къ св. мѣстамъ* (Душ. Чт. 1862. II) и проф. А. П. Лебедева: *О путешествіяхъ въ св. землю въ древней церкви* (Ibid. 1881. I). Въ первой статьѣ прекрасно выясняется духовная польза путешествій къ св. мѣстамъ; во второй—подробно и обстоятельно изла-гается исторія *путешествій въ св. землю* съ начала церкви до времени крестовыхъ походовъ. Авторъ предлагаемаго очерка желалъ-бы въ общихъ чертахъ познакомить читателей „Богословск. Вѣстн.“ съ главными пунк-тами паломническаго движенія въ христіанскомъ мірѣ и съ характеромъ русскихъ странниковъ стараго времени.

шествія. Къ сожалѣнію, ни наша древне-богослужебная письменность, ни греческія церковныя книги не сохранили, сколько намъ извѣстно, свѣдѣній о тѣхъ древнихъ обрядахъ и молитвахъ, которыми напутствуемъ былъ отправлявшійся паломникъ, точно также какъ онѣ не сообщили намъ извѣстій объ особыхъ одеждахъ послѣдняго. Этотъ пробѣлъ въ восточной практикѣ возможно до нѣкоторой степени пополнить изъ западныхъ источниковъ. Въ римско-католической церкви отправленіе пилигримовъ сложилось въ церковное чинопослѣдованіе, точно опредѣленное и записанное въ разныхъ обрядникахъ. Церемонія отпуска пилигримовъ совершалась здѣсь во вторникъ на святой недѣлѣ, подобно тому, какъ на востокѣ въ это время нѣкоторые изъ монаховъ принимали схиму. Предназначенные къ участию въ обрядѣ должны были въ этотъ день являться въ храмъ въ одеждѣ пилигримовъ: въ туникахъ или рубашкахъ и верхнихъ плащахъ съ капюшонами или башлыками, съ посохами и сумами, въ калигахъ на ногахъ и съ широкополыми шляпами для головы. Посохъ и сума составляли какъ бы девизъ пилигримства и необходимую принадлежность его, безъ которой не могъ обойтись ни одинъ оффиціальныи паломникъ. При врученіи посоха и сумы читались особыя молитвы, въ незначительномъ числѣ дошедшія до сего времени ¹⁾. Въ одной изъ нихъ говорится: „*Молимъ Тебя, благоволи, чтобы эти сумки (мѣшки) висѣли при бедрахъ ихъ, какъ нѣкое оружіе, пріемлемое ими по любви къ имени Твоему, и благослови посохи ихъ, какъ поддержку немощнаго тѣла и знаменіе пути ихъ*“. Довольно рано вошло въ обычай выступать въ путь босоногими (discalceate), но и въ такихъ случаяхъ обувь всегда была при странникахъ, именно калиги, отъ которыхъ, можетъ быть, ведетъ свое начало и самое названіе странниковъ *каликами*. Возвращаясь изъ своего путешествія, пилигримы украшали свои суму и шляпу цвѣтами, морскими раковинами и, какъ символъ счастливо оконченнаго пути, приносили съ собою пальмовую вѣтвь, *вѣтку Палестины*, отъ которой происходитъ и наше славянское названіе *паломникъ*.

Какъ рано начались путешествія христіанъ въ мѣста,

¹⁾ См. у Martene: De antiquis ecclesiae ritibus.

дорогія для нихъ по своимъ исторически-религіознымъ воспоминаніямъ? Нѣкоторые западные писатели, ссылаясь на блаж. Іеронима, утверждаютъ, что начало имъ положилъ еще ап. Павелъ, ходившій въ Іерусалимъ *для поклоненія* (Дѣян. XXIV, 11), и что послѣдующіе христіане-паломники подражали его благочестивому примѣру. И нѣтъ никакихъ основаній сомнѣваться въ томъ, что посѣщеніе христіанами св. мѣстъ есть обычай апостольскихъ временъ и идетъ съ самыхъ первыхъ вѣковъ церкви Христовой. „Долго было бы исчислять нынѣ“, скажемъ словами блаж. Іеронима, „сколько во все время *отъ вознесенія Господня* до настоящаго дня благовѣстниковъ (евангелистовъ), сколько мучениковъ, сколько искуснѣйшихъ въ церковномъ ученіи мужей ходило въ Іерусалимъ. Всѣ они думали, что въ нихъ меньше будетъ религіозности, меньше знаній, и что они не получаютъ, какъ говорится, высокой руки добродѣтелей (*summat tantum virtutum*), если не поклонятся Христу въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ заблестало со креста первоевангеліе“¹⁾. Изъ длиннаго ряда именъ благочестивыхъ путешественниковъ, направлявшихся во св. землю въ теченіе трехъ первыхъ столѣтій, исторія, не считавшая своей задачею отмѣчать простыхъ, безвѣстныхъ паломниковъ, сохранила намъ лишь два славныхъ имени. Въ Церковной Исторіи (VI, 11) Евсевія читаемъ объ Александрѣ, Каппадокійскомъ епископѣ II вѣка, „доблестно ратовавшемъ въ гоненіе Септимія Севера и прославившемъ себя исповѣданіемъ имени Христова“: „послѣдуя какъ бы божественному мановенію, онъ (т. е. Александръ) изъ Каппадокіи отправился въ Іерусалимъ *для молитвы и посѣщенія святыхъ мѣстъ*, и принятъ былъ братьями весьма дружелюбно, такъ что они не хотѣли отпустить его домой“²⁾. Въ началѣ III вѣка знаменитый Оригенъ, нѣкоторое время жившій и учительствовавшій въ Палестинѣ, ходилъ въ Іерусалимъ, чтобы зрѣть и благоговѣнно почтить стопы ногъ Спасителя, Его апостоловъ и пророковъ, какъ самъ о томъ свидѣтельствуешь въ толкованіи на Іоанна³⁾.

1) Творен. бл. Іеронима т. II, стр. 11. Кіевъ 1879 г.

2) Русск. пер. сочин. Евсевія т. I, стр. 309. 305—306.

3) Душ. Чт. 1881. I, стр. 307—308.

Съ водвореніемъ мира церковнаго при Константинѣ Великомъ и прекращеніемъ гоненій, не благопріятствовавшихъ посѣщенію христіанами св. мѣстъ, число знатныхъ и незнатныхъ путешественниковъ въ Іерусалимъ, естественно, должно было значительно возрасти. И дѣйствительно движеніе поклонниковъ, направлявшихся въ Палестину и св. городъ, сдѣлалось въ четвертомъ вѣкѣ явленіемъ общераспространеннымъ, увлекало, по словамъ св. Григорія Нисскаго, цѣлыя толпы мужей и женъ, а по письмамъ бл. Іеронима— великое множество епископовъ, мучениковъ и знаменитыхъ людей. „Изъ какой страны не приходятъ люди къ святымъ мѣстамъ“, спрашиваетъ послѣдній въ письмѣ къ Евстохіи и самъ же въ другомъ мѣстѣ отвѣчаетъ: „сюда (т. е. Іерусалимъ) стекаются со всего свѣта.... Лучшіе въ этомъ мірѣ христіане собираются здѣсь вмѣстѣ.... Каждый изъ лучшихъ людей Галліи спѣшитъ сюда. Удаленный отъ нашего міра британецъ, едва только начинаетъ преуспѣвать въ религіи, оставивъ западъ, стремится къ мѣсту, столько извѣстному по молвѣ и по библейскимъ воспоминаніямъ. А что сказать объ Армянахъ, Персахъ, народахъ Индіи и Еѳіопіи, о странѣ близъ Египта, кипящей монахами, о Понтѣ, Каппадокіи, Сиріи Келенской (Calen) и Месопотаміи, и о всѣхъ вообще народахъ Востока? Они по слову Спасителя: *идѣже бо аще будетъ трунѣ, тамо соберутся орли* (Мѣ. XXIV, 28), стекаются къ этимъ мѣстамъ и представляютъ намъ зрѣлище всевозможныхъ добродѣтелей“¹⁾. Св. Іоаннъ Златоустъ въ XXVI бесѣдѣ на второе посланіе къ Коринѳянамъ писалъ: „Скажи мнѣ, гдѣ гробъ Александровъ (Македонск.)? Укажи и скажи, въ который день онъ умеръ? А гробы рабовъ Христовыхъ славны и находятся въ царственномъ городѣ; дни кончины ихъ извѣстны, ибо составляютъ торжество для цѣлой вселенной. Александрова гроба не знаютъ и свои, а гробъ Христовъ знаютъ и варвары. И гробы рабовъ Распятаго блистательнѣе царскихъ дворцовъ не только по величинѣ и красотѣ строеній,—ибо и въ семъ они превосходиѣ,—но, чтó гораздо важнѣе, *по ревности стекающихся къ нимъ*. Ибо и тотъ, кто носитъ багряницу, приходитъ лобызать гробы сіи и, отложивши гордость, стоитъ предъ ними

¹⁾ Творен. бл. Іеронима т. II. 451. 133. 11—12.

и молить святыхъ, чтобы предстательствовали за него предъ Богомъ. Въ предстательствѣ уже умершаго, и скинотворца и рыбака, имѣеть пужду облеченный въ діадиму“ ¹⁾. Особенно велико, по словамъ историка Созомена (II, 26), было стеченіе поклонниковъ въ Іерусалимъ въ день ежегодно совершавшейся въ немъ памяти освященія храма, построеннаго при Константинѣ Вел. на Голгоѣ. „По случаю этого торжества, туда *для посѣщенія св. мѣстъ стекаются многіе почти со всей подсолнечной*“. Между многочисленными путешественниками въ Іерусалимъ и окрестности его, освященные событіями ветхозавѣтной и новозавѣтной исторіи, было не мало мужей славныхъ въ томъ или иномъ отношеніи. Изъ числа такихъ можемъ указать: Василия Вел., Григорія Нисскаго, Трифиллія епископа Левкусіи Кипрскія, Порфирія еп. Газскаго, бл. Іеронима, св. Иларія, Руфина Аквилейскаго. „Встрѣча съ добрыми и пріятными людьми“, писалъ св. Григорій Нисскій Евстафіи, Амвросіи и Василисѣ, „и памятники великаго человеколюбія къ намъ Господа, которые показывали мнѣ на мѣстѣ, были для меня предметомъ величайшей радости и веселія; потому что въ томъ и другомъ открылся для меня праздникъ Божій: и въ томъ, что я видѣлъ спасительные слѣды пребыванія здѣсь оживотворившаго насъ Бога, и въ томъ, что встрѣтилъ души, въ которыхъ духовно созерцаются таковыя же знаменія благодати Господней, такъ что вѣруешь, что по истинѣ въ сердцѣ того, кто имѣеть Бога, находится Вифлеемъ, Голгоѣа, гора Елеонская, Воскресеніе... Итакъ, поелику я видѣлъ и чувственнымъ взоромъ святые мѣста, видѣлъ притомъ и въ васъ явныя знаменія такихъ мѣстъ, то исполнился такой радости, которую никакое слово передать не можетъ“ ²⁾. Не менѣе глубокое, отрадное и назидательное впечатлѣніе произвели Іерусалимъ и безчисленные поклонники его на бл. Іеронима, долго жившаго потомъ и скончавшагося въ Вифлеемѣ (420 г.). „Какъ ни различны голоса (пилигримовъ разныхъ странъ), но религія одна. Сколько разностей народныхъ, столько же почти и поющихъ хоровъ. Но между ними, что составляетъ

¹⁾ Творен. I. Златоустаго, стр. 530—531. М. 1843.

²⁾ Твор. Григорія Нисск. ч. VIII, стр. 455—456. М. 1872.

исключительно или по преимуществу христіанскую добродѣтель, нѣтъ никакого спора изъ-за своекорыстія ли, или изъ побужденій гордости; общее соревнованіе изъ-за смиренія. Пусть будетъ самый послѣдній, его почитаютъ, какъ перваго. Нѣтъ никакихъ отличій, ничего поразительнаго въ одеждѣ. Какъ бы ни заблагоразсудилось ходить,—нѣтъ ни порицанія, ни похвалы. И посты не возвышаютъ никого: не превозносятся неяденіе, не осуждается и умѣренное насыщеніе. Каждый своему Господу стоитъ или падаетъ. Никто не судитъ другаго, дабы не быть осужденнымъ отъ Господа. А грызть другъ друга зубами, что такъ обыкновенно во многихъ странахъ, здѣсь этого вовсе не водится. Нѣтъ роскоши, нѣтъ и развлеченій. Но столько молитвенныхъ мѣстъ въ городѣ, что обойти ихъ не достанетъ и цѣлаго дня“ ¹⁾).

Въ V-мъ вѣкѣ путешествовалъ во св. землю подвижникъ Петръ изъ Галатіи. Онъ ходилъ въ Палестину, по словамъ блаж. Оеодорита затѣмъ, чтобы „обозрѣть мѣста, гдѣ совершились спасительныя страданія, и тамъ поклониться Спасителю Богу и насытить очи свои созерцаніемъ вождельныхъ предметовъ. Ибо страстно привязанные къ кому-нибудь обыкновенно чувствуютъ радость не только тогда, когда видятъ съ нимъ, но получаютъ удовольствіе и въ томъ случаѣ, если видятъ его домъ, одежду и обувь. Сей блаженный мужъ, будучи объятъ любовію ко Христу, приложилъ къ себѣ слова изъ Пѣсни Пѣсней: *узвлень любовію азъ есмь* (V, 8), и какъ бы желая увидѣть хотя тѣнь Жениха, обратился къ мѣстамъ, которыя источали для всѣхъ людей токи спасенія“ ²⁾).

Еще болѣе горячее сочувствіе путешествія ко святымъ мѣстамъ, особенно въ Іерусалимъ, нашли въ женщинахъ, во всѣ времена отличавшихся живостію своего религіознаго чувства и простосердечною любознательностью. Имя равноапостольной царицы Елены, матери царя Константина, занимаетъ первое мѣсто въ ряду набожныхъ поклонницъ святой земли. Мы не хотимъ этимъ сказать, что она представляла собой первый примѣръ благочестивой паломницы, но что

¹⁾ Твор. бл. Іеронима т. II, 12.

²⁾ Истор. боголюбцевъ гл. 9. СПб. 1853

ея пребываніе въ Палестинѣ было ознаменовано особенно важными для всѣхъ христіанъ открытіями въ области святынь христіанскихъ и сопровождалось построеніемъ болѣе или менѣе великолѣпныхъ храмовъ надъ пещерой гроба Господня, въ Вифлеемѣ на мѣстѣ Рождества Христова, на горѣ Елеонской и у дуба Мамврійскаго. Исторія обрѣтенія царицею Еленою животворящаго креста Господня хорошо извѣстна теперь едва ли не каждому христіанину. Вполнѣ понятно въ виду сказаннаго, почему пилигримство св. матери царя Константина и дѣла ея религіознаго усердія въ Палестинѣ заслужили особенное вниманіе и сочувствіе перваго христіанскаго историка и описаны имъ довольно подробно. Св. земля, видѣвшая величайшее смиреніе и самоуничтоженіе Спасителя, произвела на царицу Елену столь глубокое впечатлѣніе, что она, по словамъ историковъ Евсевія ¹⁾ и Руфина ²⁾, снявши съ себя украшенія, приличныя ея сану, въ самой скромной одеждѣ, чтобы не быть узнанной, вмѣшивалась въ народную толпу для раздачи щедрой милостыни, приглашала къ себѣ дѣвственницъ, жившихъ въ Іерусалимѣ, и въ качествѣ простой рабы сама служила имъ за столомъ. Понятно, что примѣръ столь знатной и благочестивой странницы долженъ былъ сильно подѣйствовать на современниковъ и потомковъ, возбудить ихъ къ подражанію и еще болѣе возвысить въ ихъ глазахъ важность путешествій ко святымъ мѣстамъ. И св. Елена не осталась безъ послѣдовательницъ. Въ томъ же четвертомъ вѣкѣ путешествовала по св. землѣ другая не менѣе благочестивая жена, богатая и знатная вдова-римлянка, по имени Павла. Бл. Іеронимъ подробно рассказывающій намъ о странствованіяхъ ея, самъ при всей своей любознательности и глубоко-религіозной настроенности души не былъ особенно склоненъ къ подобнаго рода путешествіямъ, предпочиталъ имъ спокойную и уединенную жизнь отшельника, но въ отношеніи къ Павлѣ—своей ученицѣ и ея предпріятію нѣсколько смягчилъ свой взглядъ и представилъ ея странствованія, какъ высоко-добродѣтельный подвигъ, заслуживающій полнаго уваженія. — Забывши домъ,

¹⁾ Жизнь Конст. Вел. III, 26—40. 43. 45. 53.

²⁾ Histor. eccles. L. I, c. 8.

своихъ дѣтей, родство, имѣнія, все, что принадлежитъ міру, пишетъ бл. Іеронимъ о св. Павлѣ, она рѣшилась оставить отечество; одинокая и никѣмъ не сопутствуемая захотѣла посѣтить Палестину. Прибывши въ Іерусалимъ, она обошла здѣсь всѣ св. мѣста съ такимъ жаромъ и любовію, „что не въ силахъ была бы оторваться отъ первыхъ, если бы не поспѣшала къ остальнымъ“. Повергшись предъ животоворящимъ крестомъ Христовымъ, молилась такъ, какъ бы видѣла Господа висящимъ на немъ. Вступивъ въ пещеру воскресенія, она лобызала камень, отваленный ангеломъ отъ дверей гроба; подобно жаждущему давно-желанныхъ водъ она припадала вѣрующими устами къ тому мѣсту, гдѣ лежало тѣло Іисусово. Ей показывали столбъ, обрызганный кровію Господа, къ которому Онъ былъ привязанъ во время бичеванія, и горницу Сіонскую, гдѣ сошелъ Духъ Святый на сто двадцать первыхъ вѣрующихъ. Въ Виолеемѣ она посѣщала гробницу Рахили, вертепъ Спасителя. „И послѣ того, какъ увидѣла священный пріютъ Дѣвы и стойло, въ которомъ *позна воля стяжавшаго и оселъ ясли Господина своего* (Исаи I, 3)..., она клялась въ слухъ мой“, замѣчаетъ бл. Іеронимъ о св. Павлѣ, „что видѣла очами вѣры младенца повитаго пеленами, Господа плачущаго въ ясляхъ, поклоняющихся волхвовъ, звѣзду, блистающую съ высоты, мать-Дѣву, усерднаго воспитателя, пастырей, пришедшихъ ночью видѣть исполненіе слова, сказаннаго имъ (Лук. II. 17) ..., видѣла младенцевъ избѣженныхъ, свирѣпствующаго Ирода, Іосифа и Марію, бѣжащихъ въ Египетъ! Она ходила въ долину, въ которой Іаковъ пасъ стада свои, а бодрствующіе пастыри удостоились слышать: *„слава въ вышнихъ Богу, и на земли миръ, въ челоуцѣхъ благоволеніе“*; видѣла мѣсто рожденія Исаака, слѣды дуба Авраамова, гробъ Лазаря, домъ Маріи и Мары, могилы двѣнадцати патріарховъ въ Самаріи, гдѣ, по преданію, съ пророками Елисеемъ и Авдіемъ погребенъ Іоаннъ Креститель, смоковницу Закхея; поклонялась гробу Іисуса Навина на горѣ Ефраимъ, обозрѣвала Назаретъ, Кану, Капернаумъ, озеро Тиверіадское, всходила на гору Оаворъ. Такъ, движимая чувствомъ вѣры, не мудрствующей лукаво, прошла св. Павла всю Палестину съ непрестаннымъ воспоминаніемъ о священныхъ событіяхъ, тамъ или здѣсь совер-

шавшихся въ ней. Посѣтивши затѣмъ Египеть и поклонившись здѣсь великимъ Макарію, Арсенію, Серапіону и другимъ инокамъ, она возвратилась въ св. землю и поселилась въ Внелеемѣ, гдѣ три года прожила въ тѣсной келліи, пока не основала монастырей и гостинницъ для тѣхъ странницъ, которыя пожелали бы идти по тому скорбному пути, по которому прошла сама она, сопутствуемая многими благочестивыми дѣвами и своею дочерью Евстохіей ¹⁾. А такихъ паломницъ и потомъ было не мало въ святой землѣ. Въ письмахъ того же блаж. Іеронима мы находимъ имена знатныхъ по происхожденію и извѣстныхъ святостию жизни Меланіи и Фабіолы, приходившихъ на поклоненіе въ Іерусалимъ и нѣкоторое время жившихъ по близости его ²⁾.

Насколько сильно развитъ и широко распространенъ былъ къ началу пятаго вѣка обычай путешествій къ св. мѣстамъ, сколько ревнителей благочестія устремлялось тогда въ св. градъ на поклоненіе тамошней святыни, видно изъ того, что паломничество стало теперь вопросомъ времени и побудило представителей богословской мысли того времени высказать свой взглядъ на посѣщеніе христіанами св. мѣстъ и на тѣ лишенія, опасности и невыгодныя стороны, съ которыми оно неизбѣжно было сопряжено. Въ образецъ сужденій по данному вопросу тогдашнихъ церковныхъ дѣятелей мы представимъ главнымъ образомъ отзывы св. Григорія Нисскаго и блаж. Іеронима. Изъ нихъ первый изложилъ свое мнѣніе о важности и значеніи паломничества преимущественно въ небольшомъ письмѣ или трактатѣ: *О тѣхъ, которыя предпринимаютъ путешествія въ Іерусалимъ*, а второй, долго живя въ Внелеемѣ, прекрасно былъ знакомъ съ пилигримствомъ и не разъ касался его въ своихъ твореніяхъ. Въ словахъ Григорія Нисскаго и бл. Іеронима, которыя мы приведемъ сейчасъ ниже, разумѣется, можно усматривать нѣкоторое нерасположеніе ихъ къ паломничеству, горькія сожалѣнія объ усиленіи обычая приурочивать свое религіозное чувство къ отдаленнымъ святынямъ; но жестоко ошибся бы тотъ изъ читателей, который вздумалъ бы

1) Твор. бл. Іеронима. т. II. стр. 449—466.

2) Тамъ-же т. I, 207—208; т. II, 291.

на основаніи этихъ словъ утверждать, что названные нами св. отцы, какъ и другіе замѣчательнѣйшіе учителя церкви, были вообще противъ путешествій ко св. мѣстамъ, видѣли въ нихъ явленіе нежелательное. Церковные писатели, сами странствовавшіе по св. землѣ и обрѣтавшіе въ томъ, какъ мы видѣли, для себя радость и миръ, дѣйствительно не похваляли этого обычая въ одномъ случаѣ и относились къ нему съ полнымъ сочувствіемъ и уваженіемъ въ другихъ.

„Для посвятившихъ себя однажды высшему роду жизни я признаю весьма полезнымъ“, писалъ св. Григорій Нисскій, „чтобъ они постоянно обращались къ словамъ Евангелія и по нему жили и направляли себя къ Богу. Итакъ поелику есть люди изъ избравшихъ иноческую и отшельническую жизнь, которые считаютъ дѣломъ благочестія посѣтить мѣста Іерусалимскія, въ которыхъ видны памятники пребыванія во плоти Господа, то хорошо бы имъ сообразовать свои дѣйствія съ заповѣдями Господними. Если же нѣтъ этого въ заповѣдяхъ Владыки, то не знаю, гдѣ бы заповѣдано было желать дѣлать что-либо, ставя себя самого закономъ въ выборѣ добраго. Тамъ, гдѣ Господь призываетъ благословенныхъ къ наслѣдію царства небеснаго, путешествія въ Іерусалимъ Онъ не поставилъ въ числѣ добрыхъ дѣлъ. Тамъ, гдѣ Онъ возвѣщаетъ блаженства, не внесъ въ число ихъ усердія къ нему. Имѣющій же умъ пусть размыслить, зачѣмъ стараться дѣлать то, что не дѣлаетъ ни блаженнымъ, ни къ царствію небесному близкимъ?“ По тщательномъ размысленіи св. отецъ находитъ, что путешествія ко св. мѣстамъ вмѣсто пользы могутъ принести даже вредъ душевный избравшимъ совершенную жизнь. „Благочестивый образъ жизни обязателенъ для всѣхъ и для мужей и для женъ; отличіе же жизни любомудрой цѣломудренность, а она сохраняется при несмѣшанномъ и отдѣльномъ образѣ жизни, чтобы природа не оскорблялась смѣшеніемъ и тѣснымъ сближеніемъ ни женщинъ съ мужчинами, ни мужчинъ съ женщинами, коль скоро они стремятся къ соблюденію цѣломудрія. Но во время путешествія необходимость всегда приводитъ къ нарушенію осторожности и къ безразличію въ соблюденіи правилъ; ибо женщинѣ неудобно было бы совершить такой отдаленный путь, еслибъ она не имѣла охранителя; по физической слабости она и под-

нимается кѣмъ-либо на выючное животное, и спускается съ него, и въ трудныхъ случаяхъ поддерживается. А для того, чтобы поднимать, нужно имѣть или знакомаго или наемника; въ обоихъ случаяхъ неизбежно здѣсь нареканіе. Ибо ввѣряетъ ли себя чужому или своему, — все не сохраняетъ закона цѣломудрія. А поелику въ восточныхъ странахъ, въ постоянныхъ дворахъ, въ гостинницахъ и городахъ много распущенности и повода ко грѣху, то какъ можетъ быть, чтобы у ходящаго въ дыму не стало рѣзать глаза? Какъ можно пройти безстрастно мѣста, гдѣ дѣйствуютъ страсти? Да и что большаго получить тотъ, кто побываетъ въ этихъ мѣстахъ, какъ будто Господь доселѣ тѣлесно обитаетъ въ нихъ, а отъ насъ удалился, или какъ будто Духъ Святой обилуетъ между Іерусалимлянами, а къ намъ не можетъ перейти...? Если-бы большая была благодать въ мѣстахъ Іерусалимскихъ, то грѣхъ не водворился бы въ живущихъ тамъ“...

Противъ этихъ спокойныхъ нравственно-практическихъ доводовъ св. отца многіе изъ современниковъ говорили: „Зачѣмъ же ты себѣ самому не предписалъ этого закона? Ибо если нѣтъ никакой пользы живущему по Богу быть тамъ, для чего ты напрасно предпринималъ такой путь?“ Въ отвѣтъ на этотъ упрекъ въ непоследовательности и высказались со всею силою крѣпость и высота воззрѣній св. Григорія Нисскаго и его безпристрастіе въ разсужденіи дѣла, имъ самимъ извѣданнаго. „Мнѣ по той необходимости, въ какой поставленъ я жить отъ Правителя нашей жизни, случилось быть въ тѣхъ мѣстахъ ради святаго собора, созваннаго для устройства церкви Аравійской. А такъ какъ Аравія сопредѣльна странѣ Іерусалимской, то я общался предстоятелямъ святыхъ Іерусалимскихъ церквей прибыть къ нимъ на совѣщаніе, такъ какъ дѣла были въ замѣшательствѣ и нуженъ былъ у нихъ посредникъ... Итакъ нами никто да не соблазняется, только болѣе долженъ быть убѣдителенъ совѣтъ нашъ, потому что мы совѣтуемъ о томъ, что видѣли своими очами. Что явившійся Христосъ есть истинный Богъ, это мы исповѣдывали и прежде, чѣмъ были на мѣстѣ, и послѣ сего вѣра не уменьшилась и не увеличилась. О вочеловѣченіи чрезъ Дѣву мы знали и прежде, чѣмъ были въ Вифлѣмѣ; и воскресенію изъ мертвыхъ мы

вѣровали прежде, нежели видѣли гробъ; что истинно было вознесеніе, исповѣдали прежде, нежели увидѣли гору Масличную. Ту только пользу принесло намъ путешествіе, что по сравненію мы узнали, что у насъ болѣе святаго, чѣмъ въ другихъ странахъ. Посему боящіеся Господа хвалите Его въ тѣхъ мѣстахъ, въ которыхъ находитесь; ибо перемѣна мѣста не приближаетъ къ намъ Бога. Но гдѣ бы ты ни былъ, Господь придетъ къ тебѣ, если обитель души твоей окажется такою, чтобы Господь могъ вселиться въ тебѣ и ходить (Лев. 26, 12)¹⁾... Строгія сужденія св. Григорія Нисскаго о путешествіяхъ ко св. мѣстамъ вызывались обстоятельствами, среди которыхъ онъ писалъ, хотя не были исключительными и находили себѣ какъ-бы откликъ въ мнѣніяхъ другихъ знаменитыхъ отцевъ церкви. Такъ блаж. Іеронимъ, со словъ котораго мы кратко передали путешествіе св. Павлы, былъ далекъ отъ мысли дѣлать изъ предпріятія этой набожной и богатой женщины примѣръ, обязательный для всеобщаго подражанія. „Достойно похвалы не то, что былъ въ Іерусалимѣ, а то, что хорошо жилъ въ Іерусалимѣ“, писалъ блаж. Іеронимъ монаху Павлину, просившему у него совѣта касательно путешествія во св. землю. „Все вѣрующіе получаютъ возмездіе не по различію мѣстъ, а по мѣрѣ вѣры, и истинные поклонники поклоняются Отцу не въ Іерусалимѣ и не на горѣ Гаризинъ... Мѣста крестной смерти и воскресенія доставляютъ пользу тѣмъ только, кои несутъ крестъ свой и ежедневно воскресаютъ со Христомъ, тѣмъ, кои представляютъ себя достойными такого жилища... Небесная храмина равно видна и изъ Іерусалима и изъ Британіи, ибо Царствіе Божіе внутри васъ есть. Антоній и весь сонмъ монаховъ Египта, Месопотаміи, Понта, Каппадокіи и Арменіи не видали Іерусалима: и безъ этого города имъ отверзлись райскія врата. Блаж. Иларіонъ былъ изъ Палестины и жилъ въ Палестинѣ, но только одинъ день былъ въ Іерусалимѣ, чтобы и не показать пренебреженія къ святымъ мѣстамъ, по ихъ близости, но вмѣстѣ съ тѣмъ чтобы и не показать, что онъ ограничиваетъ Господа только этимъ мѣстомъ... Если-бы мѣста воскресенія и крестной смерти находились не въ знамени-

¹⁾ Творен. св. Григорію Нисскаго ч. VІІІ, стр. 449—454.

тѣйшемъ городѣ, гдѣ есть дворецъ, казармы, публичныя женщины, комедіанты, шуты и все, что обыкновенно бываетъ въ другихъ городахъ, или еслибы этотъ городъ посѣщали только толпы монаховъ, то дѣйствительно можно бы желать, чтобы такой градъ былъ жилищемъ всѣхъ монаховъ. А теперь было бы очень глупо оставлять родину, покидать города, считаться монахомъ и среди большого многолюдства жить совершенно также, какъ бы жилъ на родинѣ... Городъ наполненъ людьми всякаго рода, и бываетъ такое стѣсненіе обоюго пола, что чего въ другомъ мѣстѣ избѣгалъ, здѣсь все вынужденъ терпѣть ¹⁾“.

Легко видѣть, что св. Григорій Нисскій и блаж. Іеронимъ, строго высказываясь по вопросу о путешествіяхъ ко св. мѣстамъ, имѣли въ виду *посвятившихъ себя высшему роду жизни, избравшихъ строго иноческую и отшельническую жизнь*, а равно и всѣхъ тѣхъ людей, которые преувеличивали значеніе даннаго подвига, смотрѣли на паломничество, какъ на особенную гарантію спасенія. Первымъ св. отцы и учителя церкви внушаютъ мысль, что не для всѣхъ путешествія ко святымъ мѣстамъ одинаково полезны, что иной вмѣсто пользы можетъ вынести изъ нихъ вредъ для своей души; вторыхъ научаютъ цѣнить свой подвигъ не по тому, далеко или близко они путешествуютъ, но по тому, съ какимъ душевнымъ расположеніемъ совершаютъ свой подвигъ. Всѣмъ вообще христіанамъ св. отцы въ вышеприведенныхъ словахъ даютъ прекрасный урокъ—быть благоразумными и крайне осторожными въ своихъ порывахъ къ путешествіямъ; не думать, что земля, святая по имени, есть святая и по качеству живущихъ въ ней; помнить, что въ Палестинѣ много соблазновъ ко грѣху, и что человѣкъ, побывавъ въ Іерусалимѣ, не становится отъ этого святѣе или болѣе вѣрующимъ, чѣмъ остальные люди; не превозноситься и не ставить себѣ въ особенную заслугу, если кому-либо изъ нихъ приведетъ побывать въ св. землѣ; ни на одну минуту не забывать, что истинное служеніе Богу въ духѣ, и что путешествующіе во св. землю только въ томъ случаѣ получаютъ пользу, когда, увидѣвъ мѣста смерти и воскресенія Христова, погребутъ себя для

¹⁾ Творен. блаж. Іеронима т. II, стр. 131—134.

грѣха и воскреснуть для новой, совершенной жизни, но главное не воображать, будто въ будущей жизни, при раздаяніи наградъ, прежде всего примется во вниманіе данный подвигъ, а не дѣла вообще. Сужденія названныхъ церковныхъ авторитетовъ направлены были такимъ образомъ къ ограниченію чрезмѣрно усилившагося въ ихъ время паломничества, къ предотвращенію нежелательныхъ послѣдствій его, къ устраненію своего рода злоупотребленій, начавшихъ прокрадываться въ данное явленіе церковно - религіозной жизни христіанъ. Самъ по себѣ обычай посѣщать св. мѣста признавался св. Григоріемъ Нисскимъ, блаж. Іеронимомъ и другими отцами церкви дѣломъ благочестивымъ, имѣющимъ весьма важное значеніе для нравственнаго преслѣянія человѣка, а потому заслуживающимъ одобренія и поощренія. Св. Григорій Нисскій и бл. Іеронимъ почитали себя, какъ мы видѣли, весьма счастливыми, что имъ пришлось посѣтить св. землю и видѣть спасительные слѣды пребыванія въ ней Господа, созерцать памятники Его человѣколюбія. Вынеся изъ своихъ странствованій по святой землѣ въ высшей степени отрадное и успокоительное чувство, они далеко были отъ мысли возбранять христіанамъ поклоненіе святынямъ Іерусалимскимъ, заграждать имъ путь къ источнику несказанной радости, не-земнаго мира и духовнаго веселія. „Если поклоняемся гробамъ мучениковъ“, писалъ блаж. Іеронимъ Марцеллѣ, „и даже, поставляя, если можно, останки ихъ на виду, прикладываемся къ нимъ устами, то почему же оставлять безъ вниманія гробъ, въ которомъ былъ похороненъ Господь?... Если послѣ страданій Господнихъ, это мѣсто (земля обѣтованная, напоенная кровію Христовою), какъ мелеть нечестивый языкъ, стало позорнымъ, то что же значило, что Павелъ спѣшилъ въ Іерусалимъ, чтобы тамъ провести Пятидесятницу?... Къ чему говорить далѣе о другихъ святыхъ и славныхъ мужахъ, которые уже послѣ прославленія Господня приносили свои обѣты и пожертвованія къ братьямъ, находившимся въ Іерусалимѣ? ¹⁾“ Св. Павлинъ Ноланскій († 431) въ своихъ письмахъ говорилъ: „желаніе благочестивое видѣть тѣ мѣста, по которымъ шествовалъ, на которыхъ страдалъ и вознесся Христосъ;

¹⁾ Твор. бл. Іеронима II, 10—11.

также дѣло благословенное имѣть у себя что-либо изъ тѣхъ мѣстъ, хотя бы ничтожный прахъ или что либо отъ древа креста Христова, хотя бы то было величиной со стебелекъ ¹⁾“. Св. Іоаннъ Златоустъ ²⁾, бл. Θεодоритъ, Евсевій Кесарійскій точно также не разъ высказывались о путешествіяхъ ко св. мѣстамъ, какъ дѣлѣ религіознаго усердія, имѣющемъ весьма важное значеніе для христіанъ. Въ сочувственномъ отношеніи отцевъ и учителей церкви къ странничеству по св. мѣстамъ и нужно, намъ кажется, искать настоящую причину, почему строгіе голоса, по временамъ раздававшіеся, повидимому, противъ путешествій, не произвели перемѣны въ господствовавшихъ воззрѣніяхъ на послѣднія и не ослабили въ христіанахъ стремленія къ посѣщенію св. мѣстъ. Рядъ слѣдующихъ за V вѣкомъ столѣтій представляетъ намъ все бѣльшее усиленіе и вмѣстѣ съ тѣмъ извращеніе обычая путешествій. Святой городъ со своими окрестностями и въ средніе вѣка продолжаетъ оставаться предметомъ самыхъ пламенныхъ стремленій христіанскихъ паломниковъ. Длинною вереницей тянутся на поклоненіе восточнымъ святынямъ міряне, священники, монахи, епископы, вельможи, князья и даже короли. Одни изъ нихъ совершаютъ свой путь среди богатства и роскоши, употребляя иногда праздное время на худыя дѣла; другіе идутъ ко гробу Господню, питаются Христовымъ именемъ, проводя дорожное время въ постѣ, молитвѣ и пѣніи священныхъ гимновъ ³⁾, предпочищая душу къ созерцанію святыхъ мѣстъ.

Что же влекло въ св. землю съ такою необычайною силою христіанъ? что притягивало сюда безчисленное множество поклонниковъ, оставлявшихъ иногда восторженные описанія своихъ путешествій по святой землѣ въ различныхъ мемуарахъ и хроникахъ? Что заставляло паломниковъ всѣхъ временъ возлагать на себя тяжелое бремя — переплывать моря, проходить многія страны, претерпѣвать всевозможныя неудобства, лишенія и опасности пути? Исторически-религіозныя воспоминанія, желаніе воскресить въ душѣ во всей силѣ тѣ великія событія, какія совершились въ св. землѣ

¹⁾ Душ. Чт. 1881, I стр. 424.

²⁾ Твор. Златоустаго т. I, стр. 291. 297. 251 и др.

³⁾ Твор. Григорія Нисск. ч. VIII, стр. 453; Истор. боголюбцевъ гл. 29.

во времена ветхо-и новозавѣтныя; оживить, усугубить и укрѣпить въ себѣ религіозное чувство, которое среди вседневной обстановки обыкновенно притупляется, ослабѣваетъ и даже совсѣмъ исчезаетъ, — вотъ что побуждало прежде всего христіанъ брать на себя нелегкій подвигъ путешествій, а потомъ великое множество вещественныхъ памятниковъ жизни и дѣятельности Христовой, сохранявшихся въ Палестинѣ и наполнявшихъ души паломниковъ веселіемъ и успокоеніемъ по тому естественному закону, на который указываетъ блаж. Θεодоритъ, что „кто привязанъ къ кому-либо, тотъ чувствуетъ радость не только, когда видится съ нимъ, но и въ томъ случаѣ, если видитъ его домъ, одежду и обувь“. О святомъ городѣ и его достопримѣчательностяхъ весьма рано начали слагаться и быстро повсюду распространяться разнаго рода сказанія, сильно дѣйствовавшія на воображеніе народныхъ массъ и цѣлыми десятками, сотнями и даже тысячами увлекавшія набожныхъ людей на востокъ. Достаточно здѣсь лишь назвать давно явившуюся и всѣмъ извѣстную теперь повѣсть „*О свѣтѣ свѣтѣмъ, како сходитъ съ небесе къ гробу Господню* ¹⁾“ въ ночь на св. Пасху и возжигаетъ лампы, висящія надъ нимъ. Многіе изъ средневѣковыхъ пилигримовъ — любителей чудеснаго спѣшили въ Іерусалимъ на этотъ день именно затѣмъ, чтобы собственными глазами видѣть столь необычное явленіе.

Религіозный энтузіазмъ христіанскаго міра и приливъ поклонниковъ во св. землю особенно усилились послѣ того, какъ Іерусалимъ подпалъ власти магометанъ. Столкновеніе путешественниковъ съ иновѣрными и другія трудности путешествій, явившіяся теперь, дѣлали самый подвигъ какъ бы цѣннѣе и выше въ глазахъ христіанъ. Сходившіе на поклоненіе Іерусалимской святыни теперь смотрѣли на себя, какъ на мучениковъ и героевъ. Время крестовыхъ походовъ — этой кровавой драмы среднихъ вѣковъ и своего рода путешествій во св. землю — было блестящей съ *внѣшней* стороны эпохой въ исторіи христіанскаго паломничества. То была пора какого-то страстнаго, эпидемическаго влеченія къ св. землѣ, когда быть въ Іерусалимѣ и вынести оттуда часть какой-либо святыни, пальмовую вѣтвь или

¹⁾ А. С. Норовъ: Путешествіе игум. Даниіла, стр. 138.

даже горсть земли считалось величайшимъ счастьемъ, а умереть въ немъ или его окрестностяхъ признавалось одною изъ гарантій спасенія. Не даромъ про одного средневѣковаго пѣлигрима, по имени Летбальда, родомъ изъ Бургундіи, сложился разсказъ, что онъ, поднявшись на гору Елеонскую, упалъ на эту св. землю съ распростертыми крестообразно руками и, обливаясь слезами, испускалъ радостные клики. Поднявшись затѣмъ съ земли и воздѣвши руки къ небу, онъ вспрыгнулъ, сколько можно было выше, и бросился внизъ. Онъ просилъ при этомъ Спасителя послать ему смерть невдалекѣ отъ мѣста Своего вознесенія, чтобы тѣмъ легче было ему достигнуть обителей райскихъ. И его желаніе исполнилось: онъ скоро умеръ, почти не обнаруживши признаковъ болѣзни. Необыкновенно-сильное впечатлѣніе, производимое св. землею на паломниковъ, и ложно направленное религіозное чувство Летбальда дѣлають до нѣкоторой степени возможнымъ это обстоятельство, по поводу котораго средневѣковый анналистъ, передавшій со словъ очевидцевъ всю исторію съ бургундскимъ пѣлигриномъ, замѣчаетъ, что послѣдній, безъ сомнѣнія, сподобился блаженной участи. Никто, разумѣется, не знаетъ о подлинной судьбѣ, постигшей Летбальда за гробомъ; но поступокъ его на горѣ Елеонской краснорѣчивѣе всякихъ словъ говорить, что первоначальное побужденіе къ путешествіямъ во св. землю, именно желаніе видѣть и лобызать мѣста, послужившія, по прекрасному выраженію бл. Іеронима, *родиною всей христіанской религіи* ¹⁾, въ средніе вѣка, особенно на западѣ, совсѣмъ утратило свой высоко-религіозный характеръ и тѣмъ унизило самое паломничество.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Александръ Голубцовъ.

¹⁾ Твор. бл. Іеронима т. II, 5.

Голубцов А. П. О путешествіяхъ древнихъ христіанъ и нашихъ старинныхъ паломниковъ в Святую Землю, Римъ и Царьградъ // Богословскій вестникъ 1894. Т. 2. № 4. С. 63—88 (2-я пагин.). (Окончаніе.)

О путешествіяхъ древнихъ христіанъ и нашихъ старинныхъ паломниковъ въ св. землю, Римъ и Царьградъ ¹⁾).

Іерусалимъ и вообще святая земля, составлявшіе во всѣ времена самый дорогой предметъ поклоненія для христіанскихъ паломниковъ, не были впрочемъ единственнымъ мѣстомъ паломничества въ христіанскомъ мірѣ. Въ западной половинѣ послѣдняго весьма рано образовался свой особый и весьма важный пунктъ пилигримства, сосредоточившій въ себѣ мѣстную святыню и привлекавшій въ средніе вѣка многочисленныя толпы странниковъ. То былъ именно Римъ, собственно—окрестности его, гдѣ находились катакомбы или христіанскія усыпальницы, сохранявшія въ себѣ драгоцѣнныя останки безчисленнаго множества святыхъ мучениковъ и исповѣдниковъ. Сюда, по словамъ знаменитаго древнехристіанскаго поэта Пруденція, воспѣвшаго въ стихахъ подвиги мучениковъ, ежегодно приходили на поклоненіе не только жители Италіи, но и отдаленнѣйшихъ провинцій. „Рано утромъ собираются почтить мученика“, говоритъ, напримѣръ, онъ, описывая страданіе блаженнѣйшаго Ипполита; „все юношество приноситъ поклоненіе; идутъ взадъ и впередъ (чествующіе мученика) до самаго солнечнаго заката. Благочестіе собираетъ къ гробницѣ мученика и жителей Лаціума и чужеземныя народы. Цѣлуютъ блестящій металлъ (гробницы мученика), возливаютъ бальзамъ, орошаютъ лица свои слезами. А когда по прошествіи извѣстнаго числа мѣсяцевъ возвращается годъ и торжественнымъ богослуженіемъ чествуется память мученика, то сколь великія, соревнующія въ усердіи толпы собираются и какія глѣсны возносятся въ прославленіе Бога? Державный городъ выводитъ и избиваетъ своихъ гражданъ; къ патриціямъ,

¹⁾ См мартовск. книжку „Богословск. Вѣст.“.

исполненнымъ въ равной степени религіозной ревности, присоединяется фаланга плебеевъ, имѣющихъ одинаковое вооруженіе; ибо вѣра уничтожаетъ различіе по происхожденію. Точно также блестящій строй развертывается изъ воротъ Альбанскихъ городовъ, вытягиваясь длинными рядами. Слышатся радостные клики на различныхъ дорогахъ тамъ и здѣсь; подходятъ туземцы Циценума и вмѣстѣ населеніе Этруріи. Идутъ суровые Самниты, идетъ Кампанецъ—обитатель высокой Капуи, идутъ жители Нолы. Каждый, радуясь, вмѣстѣ съ супругою и милыми дѣтьми поспѣшно совершаетъ путь. Широко разстилающіяся поля едва вмѣщаютъ радостныхъ путниковъ, и плотно сомкнутые сонмы занимаютъ обширныя пространства...“¹⁾ Приливъ пилигримовъ въ Римъ и его окрестности былъ такъ великъ, особенно въ день памяти св. апостоловъ Петра и Павла²⁾, что папы приказывали отверзать всѣ римскія церкви для богомольцевъ и совершать миссу два раза въ день. Западные епископы подавали примѣръ своей паствѣ въ отношеніи къ посѣщенію святыхъ мѣстъ, а тѣхъ изъ нихъ, которые не поступали такъ, римскіе первосвященники подвергали выговорамъ. Св. Григорій Великій писалъ, на примѣръ, Руанскому епископу: „Какое занятіе, какое непреодолимое затрудненіе удерживаетъ тебя столь долгое время отъ посѣщенія св. Петра, когда мы видимъ, какъ ежегодно стекаются къ намъ со всѣхъ концовъ міра даже новообращенные народы—мужчины, женщины и малолѣтніи дѣти, даже больные и увѣчные, движимые любовію къ св. Петру, не отстаютъ отъ прочихъ и поспѣшаютъ сюда на повозкахъ“. „О Римъ!“ съ такими словами обращается къ нему неизвѣстный поэтъ VII—VIII в., „ты—благородный городъ, владычествующій надъ міромъ, высоко вознесшійся надъ всѣми городами, окропленный кровію мучениковъ и блистающій бѣлизною дѣвственныхъ сонмовъ; мы шлемъ тебѣ привѣтъ и молимъ о твоёмъ благѣ“³⁾. Впечатлѣніе святаго города, которое испытывали даже въ сред-

¹⁾ Проф. П. И. Цвѣтковъ: „Аврелій Пруденцій, приложен. стр. 193—194; сл. 90. 200 и др.

²⁾ Тамъ-же прилож. стр. 196.

³⁾ Сн. тамъ-же, прил. стр. 90.

ніе вѣка поклонники Рима, передастъ Мануилъ Хризологъ, грекъ по происхожденію и ученый классикъ по образованію, въ своемъ восторженномъ письмѣ къ императору Іоанну Комнѣну, въ которомъ онъ сравниваетъ старый Римъ съ новымъ и говоритъ о преимуществахъ перваго. Вотъ что между прочимъ писалъ онъ: „Много здѣсь храмовъ въ честь апостоловъ, но еще болѣе въ честь святыхъ мучениковъ, блаженныхъ женъ и дѣвъ. Кто въ состояніи перечислить многочисленныя ихъ останки, какъ мощи, сохранившіяся въ цѣломъ видѣ, такъ и раздѣленныя по частямъ? По истинѣ это великое хранилище святыхъ мощей и сокровищница священныхъ останковъ! Кто при видѣ такого сонма святыхъ, здѣсь почивающихъ, не скажетъ о Римѣ, что онъ есть часть неба и населенъ небожителями! Здѣсь первоглавы свѣтила Петръ и Павелъ, привлекающіе къ себѣ взоры цѣлаго міра. И по истинѣ чудесное представляется зрѣлище, когда видишь несмѣтное множество поклонниковъ, стремящихся сюда изъ Испаніи, Галліи, Британскихъ острововъ; изъ странъ, находящихся еще далѣе на западъ и сѣверъ, изъ Панноніи, Германіи, Сарматіи и даже Греціи; видишь не только мужей различнаго возраста и состоянія, но и женъ, пренебрегающихъ опасностями и лишеніями далекаго пути: холодъ, жаръ, грязь, пыль и все это затѣмъ только, чтобы поклониться гробу и ракъ апостоловъ, хотя бы чрезъ рѣшотки и занавѣсы, чтобы приложить лице и голову къ полу, праху и рѣшоткамъ мѣднымъ и желѣзнымъ, замыкающимъ ихъ останки“¹⁾).

И дѣйствительно, священные подземелья Рима, служившія для христіанъ во времена гоненій мѣстами богослужебныхъ собраній, временнаго убѣжища и вѣчнаго упокоенія, заключали въ собѣ великое богатство исторически-религіозныхъ памятниковъ, связанныхъ съ воспоминаніями первой христіанской эпохи, съ вѣками преслѣдованій, мученичества и исповѣдничества. Въ римскихъ катакомбахъ каждый предметъ, не говоря уже объ историко-археологическомъ значеніи его, могъ возбуждать въ паломникахъ сколько благочестивую любознательность, столько же глубоко-религіозное чувство. Но изъ многочисленныхъ предметовъ, заключав-

¹⁾ Сн. тамъ-же прил. стр. 90. 184 и др.

шихся въ римскихъ усыпальницахъ, помимо самыхъ останковъ мучениковъ и исповѣдниковъ, особеннаго вниманія почитателя заслуживали орудія пытки послѣднихъ, находившіяся въ священныхъ гробницахъ, куда схоронила ихъ небожная рука свидѣтелей ихъ страданій. Въ Римѣ доселѣ сохраняются и знатымъ поклонникамъ показываются вериги св. ап. Петра и желѣзные рѣшотки, на которыхъ сожжены были архид. Лаврентій и мученикъ Севастіанъ. Несомнѣнно, что въ древнее время находилось въ катакомбахъ не мало подобныхъ священныхъ реликвій, современныхъ кончинѣ тѣхъ или другихъ мучениковъ и исповѣдниковъ. Этого не отрицаютъ и новѣйшія археологическія изслѣдованія, произведенныя въ священныхъ подземельяхъ Рима, но еще болѣе подтверждаютъ историческія свидѣтельства. По словамъ св. Іоанна Златоуста, сицилійскій мученикъ Вавила, пострадавшій въ концѣ III вѣка, пожелалъ, чтобъ его цѣпи положены были вмѣстѣ съ нимъ въ могилу. Мученикъ Сабиній просилъ не разлучать его съ тѣмъ камнемъ, съ которымъ онъ будетъ утопленъ. Св. Амвросій Медиоланскій нашелъ въ гробахъ мучениковъ Агриппины и Виталія гвозди и куски дерева, на которомъ былъ распятъ послѣдній. Благодаря новѣйшимъ изысканіямъ въ катакомбахъ, въ нихъ найдено множество желѣзныхъ прутьевъ, цѣпей, колець, клещей, гвоздей и другихъ принадлежностей пытокъ христіанъ ¹⁾. Въ усыпальницѣ св. Агнессы обрѣтена была глава съ забитымъ въ нее гвоздемъ. Въ Ватиканскомъ музеѣ въ Римѣ и въ настоящее время можно видѣть одно изъ подобныхъ орудій мучениковъ, нѣсколько напоминающее наши грабли, съ тою впрочемъ разницей, что оно раздвояется въ видѣ вилки и усажено длинными и острыми когтями, которые, вонзаясь въ тѣло, должны были разрывать его на мелкіе куски и клочья и тѣмъ причинять величайшія страданія.

Другой предметъ, вызывавшій глубокое благоговѣніе древнихъ христіанъ и приводившій ихъ въ катакомбы, составляли чаши съ кровію мучениковъ (*phialae cruentae*). Обычай собирать кровь мучениковъ въ сосуды и помѣщать послѣдніе при гробахъ первыхъ возникъ изъ того же благо-

¹⁾ См. П. И. Цвѣткова: Аврелій Пруденцій, прил. стр. 67, 68, 70, 96, 110, 113—115 и др.

честиваго побужденія, которое заставляло почитателей мучениковъ сохранять вообще ихъ святыя останки. Мученическіе акты и другіе памятники древне-церковной литературы представляютъ много примѣровъ того, съ какимъ величайшимъ почтеніемъ относились христіане къ крови мучениковъ—тому сѣмени, изъ котораго, по знаменитому выраженію Тертуліана ¹⁾, выросли древо и плодъ христіанства. „Вотъ собирается со всего города (Сагунта) толпа вѣрныхъ“, читаемъ у Пруденція въ описаніи страданій мученика Винкентія, „устраиваетъ мягкое ложе, осушаетъ не зажившія раны. Тотъ покрываетъ поцѣлуями двойныя раны отъ когтей; тотъ радостно собираетъ пурпурную кровь. Многіе обогрываютъ въ точащейся (изъ ранъ) крови куски полотна, дабы сохранить ихъ въ домахъ, какъ священную защиту для потомковъ ²⁾“. На пути передъ проходившими мучениками христіане бросали платки и повязки, чтобы съ помощію ихъ собрать капли крови, струившейся изъ ихъ ранъ. Кровію мучениковъ окрашивали цементъ, употреблявшійся при постройкѣ церквей, и видѣли въ этомъ одно изъ преимуществъ церковныхъ зданій. Гавденцій, епископъ Брестіи, съ глубокою признательностію получилъ нѣсколько кусковъ такого цемента отъ св. Амвросія и въ особомъ письмѣ къ нему выразилъ свою благодарность. Чаще всего кровь мучениковъ собирали губками ³⁾ и отсюда выжимали ее въ особаго рода сосуды, до сихъ поръ находимые въ катакомбахъ со слѣдами засохшей въ нихъ крови. Внимательное изслѣдованіе содержамаго въ этихъ сосудахъ, встрѣчаемыя при нихъ надписи (sa. sang.), въ которыхъ не безъ основанія читаютъ сокращеніе слова: sanguis, и непосредственное чувство каждаго убѣждаютъ, что они дѣйствительно заключаютъ въ себѣ остатки крови. Видѣвшіе эти сосуды увѣряютъ, что и обыкновенный, невооруженный глазъ можетъ замѣтить на днѣ и на стѣнкахъ ихъ темно-красный осадокъ, въ которомъ всего легче признать слѣды высохшей крови ⁴⁾.

¹⁾ Apolog. с. 50.

²⁾ П. И. Цвѣтковъ: Аврелій Пруденцій, прил. стр. 118. 103 прим. 30.

³⁾ Ibid. стр. 243.

⁴⁾ Нѣкоторые изъ скептическихъ писателей высказали предположеніе, что phialae cruentae заключали въ себѣ не кровь, а вино, употреблявшееся во время агалъ и при совершенія таинства евхаристіи. Мысль эта, раз-

Въ виду сказаннаго вполнѣ естественно было христіанскимъ паломникамъ съ самыхъ первыхъ временъ церкви идти на поклоненіе въ Римъ, почва котораго орошена была кровію мучениковъ и преисполнена священными гробницами и дорогими для религіознаго чувства святыми останками. И христіане не только запада, но и отдаленнѣйшихъ странъ востока усердно посѣщали городъ мучениковъ и святыхъ. По словамъ Евсевія, знаменитый Оригенъ, „тогда какъ римскою церковію управлялъ Зефиринъ (202—218), путешествовалъ въ Римъ, съ намѣреніемъ, какъ самъ нѣгдѣ пишетъ, *видѣть древнѣйшую церковь римскую*“¹⁾. Многіе изъ странниковъ, приходившихъ на богомолье въ катакомбы, оставили даже здѣсь осязательные слѣды своихъ посѣщеній. На стѣнахъ подземныхъ ходовъ и усыпальницъ лицъ особенно извѣстныхъ, напримѣръ, св. Каллиста, до настоящаго времени сохранились надписи, изображенія крестовъ, сдѣланныя съ помощію угля, графита или перваго попавшагося остраго орудія набожною рукою пилигримовъ. Одна изъ самыхъ древнихъ записей этого рода, относимая къ 270 году, говоритъ о посѣщеніи Рима цѣлою знатною семьею, приходившею изъ Персіи на поклоненіе въ Римъ и здѣсь претерпѣвшею мученическую смерть²⁾. Но большая

дѣляемая немногими археологами, нашла для себя сильное опроверженіе при ближайшемъ ознакомленіи съ содержимымъ этихъ сосудовъ. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ вмѣстѣ съ остатками темно-краснаго цвѣта найдены были самыя губки, въ которыя собирали кровь мучениковъ. Къ тому же заключенію привелъ анализъ вещества, сохранившагося на днѣ и стѣнкахъ чашъ. Извѣстный Лейбницъ производилъ опытъ надъ одною изъ такихъ вазъ и пришелъ къ убѣжденію, что въ ней содержались дѣйствительно остатки крови, о чемъ онъ и сообщилъ въ свое время главному надзирателю и хранителю римскихъ катакомбъ Фабретти. Въ 1844 году опытъ былъ повторенъ надъ однимъ сосудомъ, найденнымъ въ саркофагѣ близъ Милана, и результаты опыта оказались одинаковыми съ предшествующимъ. Въ нѣкоторыхъ вазахъ, тщательно закупоренныхъ, находили на днѣ слой жидкости сверху бѣловатаго, а снизу темно-краснаго цвѣта, которая, по тщательномъ наблюденіи, оказывалась свернувшееся кровію. Серьезнѣйшіе изслѣдователи: Бозіо, Мабильонъ, Марки, Росси засвидѣтельствовали этотъ фактъ. Martigny, Dictionnaire des antiquités chrétiennes, p. 589—592; Kraus, Real-Encyclopädie d. christl. Alterthümer, II, 620—621.

¹⁾ Hist. eccl. I. VI, c. 14; Русск. перев. т. I, стр. 316.

²⁾ Въ возстановленномъ видѣ надпись читается: Romae, via Cornelia sanctorum marthyrum Marii et Marthae conjugum, et filiorum Audifacis et

часть надписей, принадлежащихъ раннему времени—эпохѣ III—IV вѣковъ, включаетъ въ себѣ лишь голыя имена посѣтителей катакомбъ безъ означенія времени путешествій, родины пилигримовъ и побужденій, приведшихъ ихъ въ священные подземелья. Въ надписяхъ позднѣйшаго времени нерѣдко, наоборотъ, изъясняются душевныя расположенія паломниковъ, ихъ мысли и чувства, по прибытіи къ мѣсту поклоненія; въ иныхъ читаются цѣлыя молитвы, въ которыхъ благочестивые пилигримы выражали свою радость и чувства благодарности къ Богу за исполненіе своего обѣта. Въ одной епитафій, находящейся на могильномъ камнѣ, хранящемся теперь въ Ліонскомъ музеѣ, читается имя христіанина: *Agarus*, отличавшагося кромѣ прочихъ добродѣтелей, особенною ревностью къ посѣщенію святыхъ мѣстъ (*loca sanctorum adsedue*) ¹⁾. Другая надпись, находящаяся въ одной изъ залъ Ватиканскаго музея, говоритъ, что христіанинъ, по имени Юстусъ, счастливо прибылъ къ мѣсту своего благочестиваго путешествія, исполнилъ свой обѣтъ и благодаритъ за это Провидѣніе ²⁾. Особенную важность и несомнѣнно-научное достоинство придастъ приведенной сейчасъ надписи находящееся при ней изображеніе калигъ—двухъ ножныхъ подошвъ. Хотя изображенія калигъ, встрѣчающіяся изрѣдка въ катакомбахъ, и до сихъ поръ составляютъ научную проблему, но по связи съ настоящею надписью и съ другими того же содержанія, кажется, всего естественнѣе будетъ видѣть въ нихъ символъ путешествій, предпринимавшихся богомольцами ко св. мѣстамъ. Объясняя въ данномъ разѣ изображеніе калигъ въ смыслѣ знака паломничества, мы не отрицаемъ того, что въ другихъ случаяхъ христіане расширяли смыслъ разсматриваемаго символа, выражали имъ ту мысль, что усопшій, на могилѣ котораго изображались калиги, счастливо окончилъ свое земное странствіе, достигъ, наконецъ, цѣли своего земнаго скитальчества.—Блаж. Іеронимъ, учась въ Римѣ, любилъ посѣщать катакомбы въ часы отдохновенія отъ своихъ учеб-

Abachum nobilium Persarum, qui Romam temporibus Claudii principis ad orationem venerant. Martigny, Diction. p. 521.

¹⁾ Martigny, Diction. p. 522.

²⁾ *Deo annoente (annuente), felis pedatura Susti (Justi) votum posuit. Martigny, Diction. p. 521.*

ныхъ занятій. „Вмѣстѣ съ своими товарищами и сверстниками, пишетъ онъ о себѣ, я имѣлъ обычай по воскреснымъ днямъ посѣщать гробницы апостоловъ и мучениковъ, спускаться часто въ пещеры, вырытыя во глубинѣ земли, въ стѣнахъ которыхъ по обѣимъ сторонамъ лежатъ тѣла усопшихъ, и въ которыхъ такая темнота, что здѣсь почти сбывается это пророческое изреченіе: *да сидутъ во адѣ живи* (Псал. LIV, 16); изрѣдка свѣтъ, впускаемый сверху, умѣряетъ ужасъ мрака, такъ что отверстіе, чрезъ которое онъ входитъ, лучше назвать щелью, чѣмъ окошкомъ. Тамъ ходятъ шагъ за шагомъ (ощупью) и среди мрачной ночи воспоминается этотъ Виргиліевъ стихъ: *повсюду ужасъ, и самое безмолвіе пугаетъ душу*“¹⁾.

Но громкая извѣстность катакомбъ, какъ одного изъ излюбленныхъ мѣстъ христіанскаго паломничества, была сравнительно непродолжительна. Несмотря на старанія папъ (Симмаха, Вигилія, Іоанна III, Сергія I, Григорія III, Стефана III, Адріана I и Льва III) сохранить въ первоначальномъ видѣ и въ прежней славѣ священныя подземелья Рима, упадокъ ихъ начался и происходилъ одновременно съ вторженіемъ варваровъ въ предѣлы Италіи. Страшныя опустошенія, произведенныя Готами, Лонгобардами и друг. въ окрестностяхъ Рима, съ одной стороны послужили благовиднымъ предлогомъ для римскихъ епископовъ (Θеодора I, Льва II, Павла I, Пасхалія, Сергія II и Льва IV) перенести изъ христіанскихъ усыпальницъ въ городскія базилики всѣ замѣчательнѣйшіе останки мученичества и вообще памятники древней святыни, съ другой—значительно повредили катакомбные входы и корридоры и, такимъ образомъ, сдѣлали затруднительнымъ самый доступъ въ священныя подземелья. Вслѣдствіе этихъ невыгодныхъ историческихъ условій, начиная съ половины IX вѣка и до XVII-го катакомбы оставались въ совершенной почти неизвѣстности и изрѣдка посѣщались болѣе отважными пилигримами, не обращающими вниманія ни на прямыя правительственныя запрещенія проникать въ подземелья, ни на разрушенія, причиненныя послѣднимъ рукою варваровъ и временемъ. Изъ этой безвѣстности, продолжавшейся въ теченіи всей средне-

¹⁾ Commentar. in Ezechiel. cap. XI.

вѣковой эпохи, катакомбы были выведены научными экспедиціями знаменитыхъ Бозіо, Больдетти и другихъ, которые начали собою періодъ археологическихъ изслѣдованій катакомбнаго искусства, освѣтили своими разысканіями мрачныя подземелья Рима и снова открыли ихъ для ученыхъ, туристовъ и благочестивыхъ паломниковъ.

Въ то время, какъ подземный Римъ лишался лучшихъ своихъ богатствъ — величайшихъ и многочислѣннѣйшихъ памятниковъ перво-христіанской эпохи и, казалось, совершенно былъ потерянъ изъ вида, быстро росла слава надземнаго Рима, всѣми силами стремившагося сосредоточить въ себѣ останки древней святыни и стать центромъ не только церковно-политической, но и религіозной жизни, по крайней мѣрѣ, западнаго міра. Пока христіанскія воспоминанія ютились въ окрестностяхъ Рима — тамъ, гдѣ погребены были мученики и исповѣдники, Римъ оставался полуязыческимъ городомъ, въ которомъ упорно держались традиціи паганизма, послужившія для Константина Великаго однимъ изъ поводовъ къ перенесенію столицы съ запада на востокъ. Унося святыню, при опустошительныхъ набѣгахъ варваровъ, изъ катакомбъ въ городскія базилики, римскіе первосвященники заботились какъ о томъ, чтобы уберечь ее отъ святотатственной руки грабителей, такъ и о томъ, чтобы съ помощію ея возвысить священный авторитетъ вѣчнаго города, сдѣлать его предметомъ благоговѣйнаго чествованія христіанъ. Римъ дѣйствительно перерождается въ городъ христіанскій: въ него переносятся мощи первоверховныхъ апостоловъ, а вмѣстѣ съ ними великое множество другихъ останковъ и священныхъ реликвій. Бѣдственное положеніе восточной Римской имперіи, сначала сдѣлавшейся добычей крестоносцевъ, а потомъ подпавшей власти Турокъ, дало папамъ полную возможность, съ помощію торговыхъ операцій и при посредствѣ Венеціанцевъ, перенести въ римскіе храмы очень многое изъ святыни, принадлежавшей Востоку. И не безъ основанія средневѣковыя преданія и легенды, пропагандировавшія мысль о всемірно-религіозномъ значеніи Рима, населяютъ послѣдній святынями всѣхъ странъ свѣта и дѣлаютъ его участникомъ открытій, совершенныхъ въ Палестинѣ царицею Еленою. Метрополія западнаго христіанства, благодаря стараніямъ

папъ, сдѣлалась богатѣйшею сокровищницею христіанскихъ святынь. Въ древней базиликѣ св. Петра, а потомъ знаменитомъ соборѣ того же имени, кромѣ мощей свв. апостоловъ Петра и Павла, находились и почетнѣйшимъ посѣтителямъ города показывались часть Животворящаго древа, копіе, которымъ прободенъ былъ на крестѣ Господь нашъ; образъ Спасителя, воображенный Имъ Самимъ на полотнѣ благочестивой Вероники; глава еванг. Луки и части мощей Григорія Богослова, Іоанна Златоустаго и святыхъ римскихъ папъ: Григорія Двоеслова, Льва, Агаѳона, Мартина и другихъ многихъ. Въ Латеранской базиликѣ, основаніе которой возводится къ очень древнему времени, хранились сударь, бывшій на главѣ Христовой во гробѣ; лентіонъ, которымъ Онъ былъ препоясанъ во время умовенія ногъ учениковъ Своихъ; часть ризы и платъ пресв. Богородицы, главы св. апост. Петра и Павла и прор. Захаріи, отца Предтечева, а въ особенной капеллѣ — деревянный престолъ, на которомъ будто бы Христосъ совершилъ съ апостолами пасхальную вечерю. По преданію, этотъ престолъ въ царствованіе Веспасіана привезенъ былъ въ Римъ и здѣсь съ тѣхъ поръ остался, какъ священная реликвія. Въ базиликѣ Маріи Великой показывались: ясли, въ которыхъ положенъ былъ младенецъ Христосъ по Своемъ рожденіи, и пелены, которыми повить былъ при этомъ Своею Матерію; образъ пресв. Богородицы, писанный св. ев. Лукою; части мощей евангелистовъ Маттея и Марка и святыхъ Іеронима, Епафродита и др. Въ храмѣ св. Сильвестра, папы Римскаго, хранились Нерукотворенный Убрусъ Христовъ и глава св. Іоанна Предтечи, а въ церкви Всѣхъ Святыхъ, которая, какъ извѣстно, изъ Пантеона Агриппы обращена была импер. Фокою и папою Бонифаціемъ IV (въ 608 — 610 гг.) въ христіанскій храмъ, посвященный памяти всѣхъ мучениковъ, въ противоположность прежнему назначенію зданія въ честь всѣхъ боговъ, собрано было такое множество святыхъ мощей и вообще священныхъ предметовъ, что она по всей справедливости могла быть названа въ свое время музеемъ христіанскихъ реликвій ¹⁾.

¹⁾ Въ рукописномъ сборникѣ XVII в. Флоришевой пустыни (№ 102—675 лл. 198—201) намъ встрѣтилась любопытная и довольно подробная

Понятно, что завѣтное желаніе римскихъ первосвященниковъ сдѣлать свою резиденцію мѣстомъ паломничества для западныхъ христіанъ, вполнѣ осуществилось: несмѣтныя толпы благочестивыхъ пилигримовъ непрерывающеюся

„*Росписъ мощемъ, которые сохраняются во градѣ Римѣ въ церкви глаголемой Святая Святыхъ*“. Своимъ содержаніемъ и характеромъ она напоминаетъ ту часть *статейнаго списка* посольства боярина Бориса Петровича Шереметева въ Краковъ, Венецію, Римъ и Мальту въ 1697—1690 гг., въ которой рассказывается объ осмотрѣ нашимъ благочестивымъ посломъ болѣе извѣстныхъ римскихъ церквей и о святыняхъ, видѣнныхъ имъ въ каждой изъ нихъ (Древн. руссійск. Вивліюеки ч. V, стр. 336—340. Москва 1788). Свѣдѣнія, сообщенныя авторомъ *статейнаго списка* о мощахъ и реликвіяхъ римской церкви *Святая Святыхъ*, сравнительно кратки, а главное нѣсколько не сходственны съ тѣми, которыя содержатся въ *Росписи* Флорищевского сборника. Представляетъ-ли послѣдняя лишь иную, быть можетъ, черновую редакцію той части *статейнаго списка* Шереметева, гдѣ перечисляются св. мощи римской церкви Всѣхъ Святыхъ, или же она есть извлеченіе изъ неизвѣстнаго доселѣ описанія путешествія въ Римъ какого-либо русскаго паломника XVII вѣка,—окончательно рѣшать не беремся. Принимая во вниманіе отличие „*Росписи*“ отъ *статейнаго списка* Шереметева, а также то обстоятельство, что непосредственно за нею въ сборникѣ Флорищевой пустыни слѣдуетъ незначительный, безъ конца, отрывокъ, начинающійся словами: „*Книга, въ которой повѣдаются таинства, учинени отъ Бога и пресвятыя Богородицы*“ и повѣствующій о назаретскомъ домѣ богоотецъ Іоакима и Анны, въ которомъ пребывали Богоматерь со Своимъ божественнымъ Сыномъ, мы склонны предполагать въ „*Росписи*“ извлеченіе изъ неизвѣстнаго доселѣ памятника древне-русской паломнической литературы. Имѣя въ виду небольшой объемъ „*Росписи*“ и ея прямое отношеніе къ занимающему насъ вопросу, мы приводимъ ее здѣсь съ нѣкоторыми впрочемъ опущеніями по не совсѣмъ исправному списку Флорищевой пустыни. „*Росписъ мощемъ, которые сохраняются во градѣ Римѣ въ церкви глаголемой Святая Святыхъ*. Въ поставѣ, который стоитъ предъ святымъ олтаремъ, сохраняется святой образъ Господа нашего Іисуса Христа и Избавителя рода человѣческаго; списанъ, егда еще бѣ тридесати трехъ лѣтъ, отъ святаго и славнаго евангелиста Луки, по прошенію пресвятыя Богородицы и святыхъ апостолъ; по вознесеніи же Его на небеса совершился аггелъскими руками; въ Римъ же принесенъ отъ Іерусалима Титомъ и Веспасіаномъ, царями римскими. Велики чудесенъ и страшенъ есть противъ демоновъ. На малыхъ двухъ окнахъ желѣзныхъ надъ олтаремъ ко образу святаго Сильвестра палы много костей святыхъ младенцевъ, отъ Ирода избіенныхъ, и великій ковчегъ съ сосудцами, полными мощей святыхъ мученикъ, яко отперетися ему не возможно. На другомъ окнѣ ко образу святаго царя Константина великаго много есть мощей святыхъ мученикъ, между которыми есть едина великая глава безъ имени.... Тамъ же суть одежды святаго Петра апостола и святаго первомученика и архидіакона Стефана, въ которыхъ каменіемъ

вереницей съ давнихъ временъ идутъ на поклоненіе въ вѣчный городъ, какъ шли онѣ въ первые вѣка въ священныя подземелья его. Система индульгенцій, по которой отпущеніе грѣховъ давалось въ средніе вѣка каждому, предпри-

побіенъ бысть, и всѣ окровлены суть. Еще тамъ же есть одежда святаго мученика Лаврентія со многими угліемъ, на нихъ же пряжеся.... Подъ образомъ Спасителевымъ есть единъ ящикъ, полонъ мощей, земли со Іерусалима, Ввелеема, вертена Господня, Ѡаворскія—идѣже преобразися, горы Елеонскія; горы, идѣже Христосъ распяся; мѣста, которое называется лѣвоостротонъ, и гроба Господня, столпа, подлѣ котораго біенъ бысть Господь нашъ Іисусъ Христосъ, камени, изъ немъ же съдѣ при гробѣ Господни ангелъ, горы Синайскія, мѣста, идѣже стояше крестъ Господень, гроба пресвятыя Богородицы; часть конія, которымъ прободеся ребро Спасителя лево.... Тутъ же суть иные мощи святыхъ мученикъ, исповѣдникъ и дѣвственниковъ. Тутъ же есть златый крестъ драгоцѣнный, въ которомъ есть часть креста Господня. Тутъ же есть ящичекъ серебряной, въ немъ же сохраняется нѣкій златый крестъ, на немъ же вырѣзаны суть семь тайнъ Господнихъ, которой въ древняя времена показывался народу въ Воздвиженевъ день. Тутъ же есть иной ящичекъ серебряный, въ немъ же есть иной крестъ, въ которомъ есть древо святаго креста Господня, которой Ираклій, царь греческій, принесъ изъ Персиды, съ тѣломъ святаго мученика Анастасія, которое сохраняется въ той же церкви подъ олтаремъ... Тамъ же есть великая часть губы, которая бѣ полна оцту и желчи и принесена ко устамъ Христовымъ. Тутъ же есть часть трости, ею же біенъ бысть отъ воиновъ Господь нашъ.... Тамъ же есть единъ ящикъ съ слоновья кости, въ немъ же суть многія мощи разныхъ святыхъ, сирѣчь, святыхъ самобратныхъ мучениковъ Процесса, Мартіяна, Абдона, Севена, Фелика, Адаукта, Иринея, Аббондія, Пигіена и Сатурнина вмѣстѣ съ мощами святаго Дамаза, папы римскаго, и святаго Фелика папы съ одеждою святаго Іоанна евангелиста, рука святаго Кесаря мученика, мощи святаго Діонисія Ареопагита, святаго Севастіана мученика и святыхъ мученикъ Тибуртія, Силія, Крематія, Нерее, Ахиллея, Акима, Прискама, Марка, Маркелима, Прима, Феликіяна и Понтіяна папы и мученика и преподобнаго Іеронима исповѣдника, глава преподобныя Евпраксіи..., тамъ же глава святая мученицы Варвары и глава святая мученицы Евѣиміи, и глава же святая мученицы Анны и часть одежды ея, мощи святая мученицы Евлаліи и святая мученицы Анастасіи Узорѣшительницы, мощи святыхъ мученикъ Агалія, Скенія, Ирины, Пилея и Елпа и святая дѣвы Бригиды чудотворицы, и многія губки, которыми святая мученица Евпраксія собирала кровь святыхъ мученикъ и полагала во особливыхъ кладезехъ... Въ иномъ ковчезѣ суть мощи святаго Киріяка Отшельника и Саввы Освященнаго и часть великая Николая Мирликійскаго. Тутъ одинъ иной ковчегъ мѣдный, полонъ мощми разныхъ святыхъ; въ иномъ ковчезѣ суть многія мощи, губки и части одеждъ, которые вѣруются быть святаго апостола Петра, святаго мученика Лаврентія

нимавшему путешествіе въ Римъ, не мало содѣйствовала возбужденію всеобщихъ симпатій къ посѣщенію его и поддерживала значеніе вѣчнаго города между западными христіанами. Учрежденіе *святыхъ годовъ*, такъ называемыхъ юбилеевъ, необходимую принадлежность которыхъ составляетъ полная индульгенція (*indulgentia plenaria*) или отпущеніе всѣхъ церковныхъ эпитимій, привлекало также ad limina apostolorum со всѣхъ концовъ земли великое множество народа и въ томъ числѣ многія вѣнчанныя главы. Справедливостъ впрочемъ требуетъ сказать, что сколько ни усиливались римскіе папы противопоставить вѣчный городъ Іерусалиму, какъ центръ христіанской святыни, попытки ихъ не могли увѣнчаться полнымъ успѣхомъ, и Римъ никогда не могъ восхитить религіознаго первенства у Іерусалима, на сторонѣ котораго были не безчисленное множество реликвій и пышность столицы запада, а исторически-

и святаго мученика Викентія со многими угліемъ, на которомъ и до днесь еще содержится кровь святыхъ мученикъ со многими костями. И въ ска-терти бѣлой суть болѣе тысячи мощей и разныя кости святыхъ, угліе, губки, пепель... И иные суть сосуды свинцовые съ разнымъ подписаніемъ, но неяснымъ.... Тамъ же двѣ цѣки, (на) которыхъ написаны суть святыхъ апостолъ Петра и Павла, которые показываютъ истинный образъ ихъ. Еще многіе суть суконныя доски, которыми видѣлъ святой Ипполитъ мученикъ ангеловъ отирати раны святаго мученика Лаврентія, егда за Христа мучился... И въ другомъ ящикѣ древяномъ, который былъ учиненъ отъ древнихъ папъ, въ немъ же суть три агны на воску напечатаны со многими мощми. Тамъ же еще суть многія кости святыхъ, обвиты бѣлыми сукны, между которыми есть одна рука со многими костми, разныхъ святыхъ, но безъ имени. Тамъ же въ красной камкѣ есть крестъ, въ которомъ видится тѣло и кровь, печатанъ на всѣхъ четырехъ углахъ, дабы въ нихъ ни одинъ не отворился. Тамъ же еще суть многіе ящички, полны мощми съ частями одеждъ, со многими губками, пепеломъ. Въ той же церкви сохраняется цѣка, на которой Господь, умываячи ноги апостолъ, сѣдѣлъ, и многія иныя святыя вещи въ великой у народа чести, которыя за краткость здѣ не описуются. Въ той же церкви сохраняется образъ пресвятыя Богородицы, на цѣкѣ написанъ отъ Египтянъ симъ образомъ, егда бѣжала со Превѣчнымъ Младенцомъ во Египетъ. Тамо же опрѣчъ мощей обрѣтается образъ, на которомъ есть нырѣзанъ младенецъ, которой удою рыбу ловить". Приведенный памятникъ въ значительной мѣрѣ подтверждаетъ древнее, восходящее къ первой половинѣ IX в. преданіе Римской церкви о *тридцати-двухъ* колесницахъ, перевезшихъ нѣкогда мощи святыхъ мучениковъ, исповѣдниковъ и блаж. дѣвъ изъ катакомбъ въ Пантеонъ.

релігійнія воспоминанія, дорогія для всего безъ исключенія христіанскаго міра.

Третьимъ главнымъ мѣстомъ паломническаго движенія въ христіанскомъ мірѣ, особенно оживленнымъ и привлекательнымъ въ средніе вѣка, была Византія или Константинополь. Конечно, это былъ городъ сравнительно молодой; съ исторіей его не связано было столь важныхъ исторически-релігійныхъ воспоминаній, какими окружены были Іерусалимъ и Римъ—свидѣтели кровавыхъ событій перво-христіанской эпохи: но основатель Константинополя употребилъ всѣ усилія и средства сравнять свой царственный городъ съ древнимъ Римомъ не только въ гражданскомъ, но и церковно-релігійномъ отношеніи. Константинъ Великій хотѣлъ сдѣлать свою новую резиденцію столицею всего христіанскаго міра, желалъ поставить ее подъ покровительство святыни и окружить ореоломъ священной славы, какъ мать всѣхъ градовъ христіанскихъ. Къ достиженію этой задачи стремился какъ самъ онъ, такъ и многіе изъ преемниковъ его. Византійскіе императоры приложили не мало стараній къ тому, чтобы сосредоточить въ Византіи не только мѣстную, но и общехристіанскую святыню, предъ которою одинаково благоговѣли бы греки, римляне и всѣ остальные христіанскіе народы. Съ этою цѣлію еще равноапостольною царицею Еленою привезены были съ Востока въ Византію часть Животворящаго Креста Господня и мощи прор. Давида. Въ царствованіе благовѣрнаго сына ея сюда же принесены были жезлъ Моисеевъ и мощи мучениковъ Мины, Емилиана, Флора и Лавра; при импер. Констанціи—мощи свв. апостоловъ Андрея, Луки и Тимофея; при Юліанѣ или Іовіанѣ—мощи великомуч. Артемія; при Θεодосіи Великомъ—глава Іоанна Предтечи и мощи мучениковъ Теренція и Африкана; при Аркадіи—мощи прор. Самуила; при Θεодосіи Младшемъ десница св. первомученика Стефана, мощи прор. Захаріи и св. архид. Лаврентія, образъ Божіей Матери, писанный св. евангелистомъ Лукою, и одна изъ веригъ св. ап. Петра; при Маркіанѣ—св. рака съ одеждами и погребальными пеленами Божіей Матери и мощи прор. Исаи; при Львѣ Макелѣ—мощи св. Анастасіи; при Пра-

кли—часть Животворящаго Креста Господня, орудія страстей Христовыхъ и мощи св. великомуч. Евѣиміи; при Юстиніанѣ II-мъ—мощи и омофоръ праведной Анны, матери Пресвятой Богородицы; при Константинѣ Копронимѣ—мощи св. муч. Пелагіи; при Львѣ Мудромъ—мощи св. Маріи Магдалины и праведнаго Лазаря; при Константинѣ Порфирородномъ—Нерукотворенный Образъ Спасителя; при Исаакѣ II Ангелѣ была принесена въ Константинополь глава св. Маманта ¹⁾. Кромѣ названныхъ святынь въ византійскихъ церквахъ, монастыряхъ, часовняхъ и императорскихъ дворцахъ хранилось великое множество другихъ св. мощей и священныхъ предметовъ, достовѣрно неизвѣстно когда и ѣмъ принесенныхъ въ Константинополь, а также обрѣтенныхъ въ немъ самомъ. Къ числу такихъ можно отнести мощи мучениковъ: Никиты Готескаго, Маркіана и Мартирія, Симеона Богопріимца, Іакова брата Господня, прор. Захаріи, апостола Филиппа, Пантелеимона и Марина, Агаѳи, Акилины, Ии или Евдокіи, св. Евсевія епископа Самосатскаго, свв. столпниковъ Даниіла и Акакія, св. Іоанна Кущника, сорока мучениковъ, Фоки епископа Синопскаго, Климента Анкирскаго, Параскевы-Пятницы, св. дѣвы Елены, св. Аверкія, Іоанна Милостиваго, Маріи Клеоповой, св. Ирины, муч. Θεодосіи, прор. Елисея, мученика Лазаря, Спиридонія Тримифунтскаго, Григорія Богослова, великом. Агаѳоника и святыхъ младенцевъ избіенныхъ Иродомъ; рогъ прор. Самуила, изъ котораго онъ, по преданію, помазалъ на царство Саула и Давида, сосуды алавастровые свв. женъ мѣроносицъ и многіе чудотворные *Образы* Спасителя и Богоматери ²⁾. Слѣдуетъ прибавить къ этому, что Константинополь считалъ своимъ просвѣтителемъ и покровителемъ св. ап. Андрея, который по словамъ одного византійскаго сказанія, былъ въ древней Византіи и въ пред-

¹⁾ Архим. Сергій: Полн. Мѣсяц. Вост. т. II, ч. 2 стрр. 390. 209. 247—248. 375. 227. 49. 240. 128. 293. 121—122. 246. 293 и др., сл. проф. Н. П. Кондакова: Византійскія церкви и памятники Константинополя, въ Труд. VI Археолог. съѣзда, т. III стрр. 9. 12. 33. 29—30. 14—15. 42. 17. 34. 68. 51. 68. 79 и др.

²⁾ Архим. Сергій: Мѣсяц. Вост. т. II, ч. 2, стрр. 290, 45. 166—167. 233—234. 174. 301—302. 84. 337; сл. Кондакова Визант. церкви, стрр. 12. 16. 17. 33. 34. 35. 37. 38. 43. 45. 46. 58. 68. 82.

вѣстіе будущей славы ея собственными руками вырѣзалъ каменный крестъ, привлекавшій въ болѣе позднія времена благочестивое вниманіе христіанскихъ паломниковъ; а по словамъ другаго сказанія основалъ даже церковь въ Перѣ—древн. Аргирополѣ.

Изъ представленнаго голаго и, разумѣется, далеко не полнаго перечня византійскихъ святынь, не трудно усмотрѣть, что большая часть изъ нихъ была собрана сюда съ разныхъ концовъ тогдашняго христіанскаго міра: Іерусалима, Рима, Александріи, Антіохіи, Ефеса, Каппадокии, Халкидона, Кипра, Патръ, Тарса, Медиолана, Доростолы, Сирміума, Библоса и другихъ мало извѣстныхъ городовъ и мѣстечекъ; не трудно извлечь себѣ ясное понятіе о томъ, что новый Римъ очень рано, не позднѣе второй половины V столѣтія, приготовился къ церковно-религіозному представительству для всего христіанскаго Востока и выступилъ въ роли серьезнаго соперника съ древнимъ Римомъ. Событія послѣдующей исторіи: двойная осада и взятіе послѣдняго варварами, утрата Александріею въ царствованіе импер. Юстиніана своей гегемоніи и вообще просвѣтительнаго значенія на востокѣ, упадокъ во второй половинѣ VI вѣка Сиріи, ставшей потомъ центромъ мусульманской борьбы, опустошительные набѣги на св. землю въ VII—VIII столл. Арабовъ и Персовъ, какъ нельзя больше, способствовали сосредоточенію общехристіанской святыни въ Константинополь, занимавшемъ къ тому же весьма выгодное географическое положеніе. Послѣ того, какъ Омаръ въ 638 году взялъ Іерусалимъ и разграбилъ базилику св. Гроба, а въ 644 году была окончательно завсеевана Александрія, христіанская святыня обильнымъ потокомъ полилась съ Востока въ столицу имперіи, и городъ Константина Великаго священными сокровищами сталъ богаче не только своей метрополіи, но и всего Востока, не исключая даже св. земли. Для характеристики съ этой послѣдней стороны Византіи, привлекавшей къ себѣ отовсюду безчисленное множество богомольцевъ во все продолженіе среднихъ вѣковъ, не лишнимъ считаемъ привести отрывокъ изъ письма императ. Алексѣя Комнена къ графу Роберту Фландрскому, въ которомъ онъ, приглашая западные народы къ ополченію противъ мусульманъ, слѣдующимъ образомъ описываетъ свя-

щенный инвентарь и богатства столицы восточной имперіи своего времени. „Прежде, чѣмъ Константинополь будетъ взятъ Турками и Печенѣгами, напрягите всѣ силы. Пусть лучше Константинополь достанется вамъ, чѣмъ язычникамъ. Въ немъ находятся наидрагоцѣннѣйшія святыни нашего Господа, именно: столбъ, къ которому Онъ былъ привязанъ; бичъ, которымъ Онъ былъ бичуемъ; багряница, въ которую Онъ былъ облеченъ: терновый вѣнецъ, которымъ была увѣнчана глава Его; трость, которую Онъ держалъ въ рукахъ Своихъ вмѣсто скиптра; ризы, совлеченныя съ Него предъ распятіемъ; большая часть Животворящаго Древа, на которомъ Онъ былъ распятъ; гвозди, которыми Онъ былъ пригвожденъ, а также многочисленныя мощи святыхъ апостоловъ и мучениковъ, какъ-то: глава Іоанна Крестителя, нетлѣнное тѣло первомученика Стефана... Все это не должно доставаться во власть язычниковъ, ибо въ томъ была бы великая потеря и осужденіе для христіанъ. Если же твои воины не захотятъ сражаться ради такихъ святынь и предпочитаютъ золото, то я напоминаю о безчисленныхъ богатствахъ и драгоцѣнностяхъ, которыя накоплены въ столицѣ нашей. Сокровища церквей константинопольскихъ—въ серебрѣ, золотѣ, жемчугѣ и драгоцѣнныхъ камняхъ, въ шелковыхъ тканяхъ—могутъ быть достаточны для украшенія всѣхъ церквей міра. Но богатства Софійскаго храма могутъ превзойти всѣ эти сокровища вмѣстѣ взятыя и равняются только богатству храма Соломонова. Нечего говорить о неизчислимой казнѣ вельможъ и даже купцовъ и крестьянъ, а о казнѣ императорской довольно припомнить только то, что въ ней скрыты не только сокровища недавнихъ властителей константинопольскихъ, но еще древнихъ императоровъ Римскихъ. Итакъ, спѣшите со всѣмъ вашимъ народомъ, напрягите всѣ ваши силы, чтобы такія сокровища не попали въ руки Турокъ и Печенѣговъ“ ¹⁾.

Западные ополченцы, хорошо осведомленные на счетъ несмѣтныхъ богатствъ Константинополя чрезъ своихъ странниковъ, пословъ и торговыхъ людей, глубоко вняли призыву византійскаго императора. Движимые желаніемъ наживы и

¹⁾ Проф. Васильевскій: Письмо Алексѣя Комнина къ графу Роберту Фландрскому въ Ж. М. Н. Пр. ч. CCVII, стр. 230—231. 239.

священной добычи, вѣками накопленной въ столицѣ восточной имперіи, проникнутые вѣроисповѣдною ненавистью къ грекамъ, латиняне легко могли увлечься своимъ религіознымъ энтузіазмомъ до пренебреженія ко всему остальному: почитаніе мощей и вообще святыни нерѣдко приводило къ святотатству, особенно въ средніе вѣка. Это именно и пришлось испытать столицѣ Константина Великаго. Предавши ужасному разоренію и опустошенію послѣднюю въ апрѣлѣ 1204 года, завладѣвши ея громадными богатствами, чуждые сколько-нибудь просвѣщеннаго интереса къ памятникамъ искусства и истинно-христіанскаго религіознаго чувства, крестоносцы не пощадили художественныхъ произведеній классической и византійской древности и наложили свою святотатственную руку на цариградскія святыни. Со множествомъ произведеній пластики, мозаики, иконописи, рѣзнаго дѣла и т. п. не малое число священныхъ реликвій, преимущественно св. мощей было уничтожено, расхищено и увезено на Западъ венеціанцами, французами и итальянцами. Святыни, бывшія до взятія крестоносцами Константинополя самымъ дорогимъ его достояніемъ и значившіяся въ перечнѣ византійскихъ реликвій, стали потомъ лучшимъ украшеніемъ базиликъ Рима, церкви Франціи, Венеціи и другихъ большихъ и малыхъ западно-европейскихъ городовъ. Правда, набожная рука грековъ и другихъ православныхъ народовъ всячески старалась сохранить святыню отъ уничтоженія и разграбленія во время катастрофы, постигшей Константинополь со стороны католическаго запада; но сбереженными священными сокровищами православной Византіи суждено было владѣть не долго. Бѣдственное положеніе, наступившее для грековъ съ окончательнымъ завоеваніемъ Царьграда Турками, вынудило ихъ разстаться со многимъ изъ своей святыни, отвезти множество св. мощей и другихъ священныхъ предметовъ на Русь, какъ бы въ отплату за обильную милостыню, посылавшуюся Россіей православному востоку ¹⁾).

Далеко не одинаковымъ почитаніемъ пользовались у тѣхъ

¹⁾ Подробно и обстоятельно объ этомъ у проф. Н. О. Каптерева: Характеръ отношеній Россіи къ прав. Востоку, стр. 60—102. М. 1885.

или другихъ народовъ отмѣченные нами главные центры паломничества въ христіанскомъ мірѣ. Такъ, напримѣръ, пути древне-русскихъ паломниковъ, слывшихъ въ старое время больше подъ именемъ *каликъ переходящихъ*, кромѣ отечественныхъ святыхъ мѣстъ, направлялись почти исключительно на Востокъ—въ Іерусалимъ и Царьградъ, рѣже въ монастыри Аѳонскіе и уже совсѣмъ рѣдко въ Римъ. Хожденія нашихъ благочестивыхъ предковъ на богомолье во святую землю и Константинополь начались весьма рано, едва ли не съ самыхъ первыхъ временъ христіанства на Руси. Во второй половинѣ XII вѣка путешествовала въ Іерусалимъ извѣстная Евфросинія Полоцкая со своею сестрой и останавливалась тамъ въ русскомъ монастырѣ, а это даетъ понять, что во святой землѣ уже была въ то время русская колонія. Въ памятникахъ нашей книжной и народной литературы XII—XIII вѣковъ калики являются съ такими опредѣленными, типичными чертами, которыя сами собою говорятъ, что паломники въ то время уже были очень хорошо извѣстны русскому народу и успѣли пріобрѣсти себѣ его симпатіи. Положеніе странниковъ, если позволительно судить о немъ по былинамъ, было весьма почетное. Богатыри Владиміровы: Илья Муромецъ, Алеша Поповичъ и Михаилъ Потокъ Ивановичъ не стыдились называться каликами; въ странническомъ костюмѣ—въ лапоткахъ, съ сумами и клюками не стѣснялись появляться они на почетные пиры Владиміра-Краснаго солнышка и были принимаемы послѣднимъ, какъ и вездѣ, куда ни заходили, съ уваженіемъ и гостепріимствомъ. Калики нашихъ былинъ, народныхъ пѣсней и т. п. нисколько не напоминаютъ собою тѣхъ, кого принято называть теперь калѣками: нѣтъ, это были дородные молодцы, съ избыткомъ надѣленные удалью и физическою силой, которую тутъ же на пиру самымъ дѣломъ доказывали; а если и были стариками, то уже никакъ не возбуждали къ себѣ состраданія какими-либо тѣлесными недостатками. По самому свойству затрудненій, которыя приходилось преодолевать предприимчивымъ и отважнымъ странникамъ во время своихъ путешествій, легко понять, почему изъ числа ихъ особенно выдвигаются тѣ, которыхъ природа богато одарила здоровьемъ.

Одновременно и какъ бы рядомъ съ этимъ *эпическимъ*

типомъ древне-русскаго калики переходжаго стоитъ многочисленный, въ дѣйствительности существовавшій классъ заурядныхъ въ строгомъ смыслѣ слова паломниковъ, которые, не имѣя притязанія возводить свое путешествіе на степень громкаго подвига, предпринимали далекія странствованія по религіознымъ побужденіямъ, съ цѣлю „поклонитися святымъ мѣстамъ и цѣловати тѣлеса святыхъ“, чтобы замолить грѣхи и исполнить свой давнишній обѣтъ. Были среди этихъ простецовъ-паломниковъ и такіе, которые ходили въ Іерусалимъ, Царьградъ и вообще на востокъ просто изъ желанія постранствовать, подобно птицамъ перелетнымъ побывать въ тѣхъ заповѣдныхъ странахъ, о которыхъ ходило тогда столько одушевленныхъ и заманчивыхъ разсказовъ. Этихъ любителей путешествій къ святымъ мѣстамъ у насъ на Руси, особенно въ новгородской области, уже было такъ много, ихъ періодическія переселенія въ далекія восточныя страны были такъ невыгодны въ быту хозяйственномъ и вредны для самихъ путешественниковъ, что извѣстный Кирикъ Новгородскій обращался съ вопросомъ объ этомъ классѣ паломниковъ къ епископу Нифонту (1130—1156 гг.). Кирикъ спрашивалъ своего владыку: не грѣхъ-ли возбранять нѣкоторымъ хожденіе въ Іерусалимъ и вообще къ святымъ мѣстамъ? Нифонтъ отвѣчалъ: не только не грѣхъ, напротивъ большое добро, если они странствуютъ для того, чтобы быть праздными и чтобы во время путешествія только ѣсть и пить. Св. Іоаннъ Новгородскій разрѣшилъ даже подвергать эпитиміи тѣхъ, которые связывали себя обѣтомъ идти въ Іерусалимъ, „ибо эти обѣты губятъ землю“. Они губили ее, потому что разстраивали хозяйство, отвлекая рабочія руки отъ труда и пріучая къ бродяжничеству и бездѣлю работающую часть населенія ¹⁾.

Второй классъ древне-русскихъ паломниковъ, нѣсколько отличный отъ предшествующаго, составляютъ лица книжно-образованныя, болѣе или менѣе матеріально обеспеченныя и даже высокопоставленныя, которыя съ религіозными цѣлями странничества умѣли соединить интересы благочестивой любознательности. Ходя по святымъ мѣстамъ востока, обозрѣвая цареградскія святыни, проживая тамъ и

¹⁾ Русск. Истор. В-ки т. VI, ст. 27. Душ. Чт. 1862. II. 248.

здѣсь по нѣскольку мѣсяцевъ и даже лѣтъ, они обращали свое вниманіе не только на то, что служило предметомъ благоговѣйнаго почитанія и всеобщаго поклоненія, но и на все то, чѣмъ затрогивается любопытство просвѣщеннаго человѣка. Останавливаясь преимущественно тамъ, гдѣ находили для себя больше интереса, эти паломники одновременно изучали какъ церкви, монастыри, святыни и вообще священные предметы, такъ и всѣ прочія достопримѣчательности, знакомились съ природою и бытомъ Палестины и Царьграда и особенно съ ихъ церковными порядками. Были и такіе паломники, которые, пріютившись въ какомъ-либо изъ греческихъ монастырей, не мало трудились надъ списываніемъ и переводомъ на родной языкъ богослужебныхъ книгъ, пересылавшихся затѣмъ на Русь и входившихъ здѣсь въ литургическую практику въ большемъ или меньшемъ числѣ экземпляровъ. Стефанъ Новгородецъ, извѣстный нашъ паломникъ XIV вѣка, рассказываетъ, что во время своего путешествія по цареградскимъ монастырямъ, онъ встрѣтился съ знакомыми ему Новгородцами, Иваномъ и Добрилою, и возрадовался зѣло, такъ-какъ не ожидалъ съ ними свидѣться, считая ихъ безъ вѣсти пропавшими. „И нынѣ, говоритъ онъ, живутъ тутъ, списаючи въ монастырѣ Студійскомъ отъ книгъ Святаго Писанія, зане бо искусни зѣло книжному списанію ¹⁾“. Эти послѣдніе странники, эти просвѣщенные люди и труженики земли Русской заслужили вниманіе современной науки и признательность потомковъ тѣмъ особенно, что все видѣнное и слышанное, не мудрствуя лукаво, болѣе или менѣе подробно записали въ своихъ *Хожденіяхъ* или *Паломникахъ* „на увѣденіе и на память и на молитву благовѣрнымъ человѣкомъ ²⁾“.

Записки или мемуары старинныхъ русскихъ паломниковъ составляютъ цѣлую и довольно значительную отрасль литературы, главные памятники которой въ настоящее время уже приведены въ извѣстность, изданы и научно обслѣдованы. Во главѣ ихъ какъ по времени, такъ и по внутреннему достоин-

¹⁾ Архим. Леонидъ: Обозрѣн. цареградск. памятн. и святынь, стр. 33. М. 1870.

²⁾ П. Савваитовъ: Путеш. Новгор. архіеп. Антонія въ Царьградъ. стр. 53. 172.

ству, стоитъ „*Хожденіе Даниіла, Русскія земли игумена*“, перваго изъ нашихъ паломниковъ—писателей, путешествовавшаго во святую землю въ самомъ началѣ XII-го столѣтія. Онъ провелъ въ Палестинѣ болѣе двухъ лѣтъ (1106 — 1107 гг.), исходивъ ее изъ конца въ конецъ и описавъ всю святую землю, начиная ея святынями и кончая топографіей. По слѣдамъ игум. Даниіла шли въ Іерусалимъ или Царьградъ наши позднѣйшіе паломники-писатели, обозрѣвали святыни и памятники земли греческой, рассказывали въ своихъ путевыхъ запискахъ нерѣдко объ однихъ и тѣхъ же достопримѣчательностяхъ и до нѣкоторой степени повторяли другъ-друга ¹⁾. При всемъ томъ содержаніе ихъ мемуаровъ настолько разнообразно и богато, что мы не видимъ возможности и, пожалуй, надобности передавать его здѣсь въ сколько-нибудь цѣльномъ очеркѣ, но считаемъ не лишнимъ сказать въ заключеніе нѣсколько словъ объ общемъ характерѣ нашихъ паломниковъ-писателей.

Не слѣдуетъ забывать, что древне-русскіе паломники-писатели были прежде всего благочестивые люди, набожные поклонники, желавшіе видѣть, „грѣшныма очима своима всю ту землю, удуже Христосъ Богъ нашъ походи Своима погама и много чюдесъ показа преславно святымъ Своимъ апостоломъ и ученикомъ“ ²⁾; сгравшіе нетерпѣніемъ самолично обозрѣть цареградскія святыни и церкви и приложиться къ мощамъ святыхъ, въ нихъ почивающихъ. Не научные, но исключительно религіозные интересы влекли ихъ первоначально на востокъ; не историко-археологическія, топографическія, этнографическія и тому подобныя изысканія заставляли ихъ пускаться въ этотъ далекій и невѣдомый путь, нерѣдко соединенный съ большими лишеніями и даже опасностію жизни, но главнымъ образомъ сила ихъ

¹⁾ Извѣстнѣйшіе изъ древне-русскихъ паломниковъ-литераторовъ суть слѣдующіе: Новгородскій архіепископъ Антоній (около 1200 г.), Стефанъ-Новгородецъ (1350), діаконъ Игнатій (1389), Игнатій—Смольнянинъ (1389 - 1405), дьякъ Александръ (1391—1395), мнихъ—Епифаній (1415—1417), іеродіаконъ Зосима (1419—1422), гость Василій (1465—1466), купецъ Василій Позняковъ (1558—1561), Трифонъ Коробейниковъ (1593—1596), Казанецъ Василій Яковлевичъ Гагара (1634—1637), Арсеній Сухановъ (1649—1653), Василій Григоровичъ—Барскій (1724—1747) и отецъ Игнатій (1766—1776).

²⁾ А. С. Норовъ: Путешествіе игум. Даниіла, стр. 1.

религіознаго одушевленія. Чтобы понять мотивы путешествій этихъ почтенныхъ странниковъ и хотя отчасти стать на точку зрѣнія ихъ, нужно читать и изучать ихъ записки, въ большей или меньшей степени запечатлѣвшія въ себѣ ихъ думы, чувства и самыя дѣянія. „....Но, братіе и отцы, господіе мои“, писалъ игуменъ Даніилъ въ предисловіи къ своему *хожденію*, „простите мя, и не зазрите моему худоумію и грубости моей, еже списахъ о Іерусалимѣ, и о землѣ блазѣ, и о пути семъ святѣмъ: иже бо кто путемъ симъ ходитъ съ страхомъ и съ смиреніемъ, то не погрѣшитъ милости Божія николиже. Азъ же не подобно ходихъ путемъ симъ святымъ, въ всякой слабости и лѣности, пья и ядя и вся неподобная творяхъ, но обаче надѣюся на милость Божию и на вашу молитву, негли Христось Богъ проститъ мя грѣховъ моихъ бесчисленныхъ, да се и списахъ путь сей и мѣста си святая, не възношаяся, не величаяся путемъ симъ: не буди то, ничтоже бо не сѣтворихъ добра на пути семъ, но любви ради святыхъ мѣстъ написахъ все, еже видѣхъ очима своими грѣшными, дабы не въ забытіи то было, еже ми показа Богъ недостойному, и убояхся осуженія оного раба лѣниваго, скрывшаго талантъ господина своего и прикупа не сѣтвори имъ; да и се написахъ вѣрныхъ ради человекъ, дабы кто слышавъ о мѣстехъ святыхъ и потщался и душею и мыслию къ святымъ симъ мѣстомъ и равну мѣзду пріимуть съ ходившими до святыхъ сихъ мѣстъ. Мнози же дома суще въ своихъ мѣстехъ добріи человекѣ милостынями къ убогимъ и добрыми дѣлы своими достизаютъ сихъ мѣстъ святыхъ, иже болшую мѣзду пріимуть отъ Бога; мнози же и ходивше святыхъ сихъ мѣстъ и видѣвше святой градъ Іерусалимъ, и възнесшеся умомъ, яко нѣчто добро сѣтворше, и пакы погубляютъ мѣзду труда своего, отъ нихъ же первый есмь азъ“ ¹⁾. Не будучи ни археологами, ни этнографами, ни художниками въ смыслъ теперешнихъ ученыхъ и туристовъ, путешествующихъ на востокъ съ подобными научными цѣлями, подчиняя свое странничество интересамъ набожности, наши паломники-писатели занесли въ свои мемуары и многое такое, что знакомило ихъ современни-

¹⁾ Ibidem стр. 2—3.

ковъ съ достопримѣчательностями Палестины и Царьграда и что продолжаетъ до сихъ поръ въ качествѣ любопытнаго историко-археологическаго матеріала знакомить насъ съ топографіей, природой и бытомъ этихъ странъ. Исключительно религіозный интересъ не отвлекъ ихъ совершенно отъ наблюденія явленій природы, не помѣшалъ имъ заняться описаніемъ гражданскихъ памятниковъ и разныхъ рѣдкостей этихъ благодатныхъ странъ. Такъ, напримѣръ, игуменъ Даниилъ пишетъ о темьянѣ-гонфитѣ (ладанѣ), который родится въ Палестинѣ, о столпѣ Давидовомъ, дубѣ Мамврійскомъ; даетъ описаніе Мертваго моря, Иордана и его окрестностей, сообщаетъ измѣренія разстояній между главными станціями своего пути ¹⁾. Іеродіаконъ Зосима, бывшій въ Константинополѣ въ началѣ XV в., довольно подробно описываетъ расположеніе города и его монументы, рассказываетъ о своемъ путешествіи по морю, о своихъ встрѣчахъ и приключеніяхъ на пути. И надо удивляться той массѣ разнородныхъ свѣдѣній, которую сохранили въ своихъ мемуарахъ эти любознательные паломники. Очувтившись въ странѣ желанной для нихъ святыни, окруженные многочисленными и разнообразными памятниками и рѣдкостями, они, какъ бы изъ опасенія потеряться въ виду этого новаго и поразительнаго зрѣлища, спѣшили занести часто безъ опредѣленной системы въ путевыя записки свои наблюденія, чтобы потомъ, по возвращеніи на родину, подѣлиться ими съ своими соотечественниками. Можно пожалѣть, пожалуй, о томъ, что описанія тѣхъ или другихъ достопримѣчательностей святой земли и Царьграда были составляемы этими тружениками религіознаго усердія часто подъ вліяніемъ живыхъ, непосредственныхъ впечатлѣній и не были достаточно провѣряемы путемъ трезвой критики. Движимые набожностію, не тронутою никакимъ сомнѣніемъ, они смотрѣли на памятники и святыни пресловутой земли греческой глазами восторженнаго, но односторонняго религіознаго чувства, а потому въ ихъ замѣткахъ нерѣдко легендарное беретъ верхъ надъ историческимъ, воображаемое надъ дѣйствительнымъ, наивность и легковѣріе надъ основательнымъ и критическимъ. Даже и при желаніи имѣть

¹⁾ А. С. Норовъ: Пут. игум. Дан. стр. 10. 33—35. 53—57. 87—88. 113 и др.

вѣрные свѣдѣнія наши паломники-писатели бывали по временамъ жертвами обмана со стороны своихъ недобросовѣстныхъ и невѣжественныхъ путеводителей. По необходимости вполне довѣряясь указаніямъ и руководству послѣднихъ, они принимали на вѣру и передавали въ своихъ „Хожденіяхъ“ какъ положительный фактъ все, что тѣ имъ ни сообщали. „Не возможно бо безъ вожа ходити и безъ языка добрѣ испытати и видѣти всѣхъ тѣхъ святыхъ мѣстъ“, замѣчаетъ игуменъ Даніилъ. Понимая, какъ важно имѣть хорошихъ проводниковъ, послѣдній ничего не жалѣлъ, чтобы добыть свѣдущихъ лицъ. „И что у себе имѣя въ руку моею худого моего добытка, и отъ того всѣмъ подавахъ, вѣдушимъ добрѣ вся святая мѣста въ гради и въ града (Іерусалима), да быша мнѣ указали все добрѣ, якоже и бысть. И пригоди ми Богъ налѣсти въ лаврѣ святаго Савы ту мужа свята и стара деньми и книжна велми, и тому святому мужу вложи въ сердце Богъ любити мя велми худаго, и той ми указа добрѣ вся мѣста святая, иже суть въ Іерусалимѣ, и по всей земли той поводи мя добрѣ... И трудися со мною любве ради“¹⁾. Видно, что святыни и вообще достопримѣчательности Іерусалима и Царьграда были открыты и доступны далеко не всѣмъ: удовольствіе вездѣ быть и все видѣть покупалось не дешевою цѣною. „Скупой и убогій, по словамъ Стефана Новгородца, „не могли ни видѣть, ни цѣловать ни единого святаго, развѣ на празникъ котораго святаго будетъ“. Но зато тѣ изъ нашихъ паломниковъ, которые, подобно игум. Даніилу, обладали матеріальнымъ достаткомъ, были болѣе образованы и опыты въ дѣлѣ путешествій, не только сами видѣли святыни и памятники православнаго востока, но и сумѣли описать ихъ *на увѣдѣніе* своихъ современниковъ и *на память* отдаленнымъ потомкамъ. Ихъ „хожденія или путешествія“, не смотря на неизбѣжныя въ трудахъ подобнаго рода неточности и явныя погрѣшности, сослужили великую службу русскимъ людямъ и наукѣ, достойнымъ образомъ въ настоящее время оцѣнившей ихъ. Въ западной литературѣ не разъ высказывалась мысль, что средневѣковые пилигримы, спускавшіеся въ римскія катакомбы, дол-

¹⁾ Ibidem стр. 3.

гое время служили единственными указателями пути въ эти священные подземелья и были первыми дѣятелями на поприщѣ изученія памятниковъ древне-христіанскаго искусства въ мѣстахъ ихъ первоначальнаго нахожденія. Точно такое же мѣсто занимаютъ смиренныя и набожныя древнерусскіе паломники-писатели въ отношеніи къ достопамятностямъ Цареграда и св. земли. Не задаваясь научными цѣлями, чуждые антикварныхъ интересовъ, они, сами того не подозрѣвая, проложили путь послѣдующимъ ученымъ изслѣдователямъ въ области Византологіи и Палестиновѣдѣнія.

Александръ Голубцовъ.
